

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Красноярский государственный педагогический университет
им. В. П. Астафьева»

Филологический факультет
Кафедра современного русского языка и методики

Ли Сине

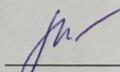
МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

Тема: «*ГЛАЗА* как ключевой элемент авторской картины мира
(на материале поэтических текстов Марины Цветаевой
и китайских поэтов Ай Цина и Чжу Цзыцина)»

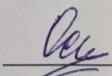
Направление: 44.04.01 – Педагогическое образование
Магистерская программа: Русский язык и литература
в поликультурной среде

Допускаю к защите:

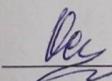
Заведующий кафедрой
канд. филол. наук, доцент Бебриш Н.Н.

 «31» мая 2017 г.

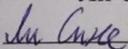
Руководитель магистерской программы
докт. филол. наук, доцент Осетрова Е.В.

 « 31 » мая 2017 г.

Научный руководитель
докт. филол. наук, доцент Осетрова Е.В.

 « 31 » мая 2017 г.

Обучающийся
Ли Сине

 « 31 » мая 2017 г.

Красноярск 2017

РЕФЕРАТ

Реферируемая выпускная квалификационная работа содержит 98 страниц, лингвистический анализ проведен на материале 225 текстовых единиц реализации лексемы *ГЛАЗА*, выявленных в результате анализа 14 поэтических сборников (более 2696 печатных страниц), его теоретическую базу составили 64 источника (монографии, диссертации, научные статьи, учебные пособия), оформленные в виде библиографического списка.

Диссертация состоит из введения, трех глав (включающих 9 разделов и 4 подразделов), в том числе выводов по главам, заключения, списка библиографических источников и 2-х приложений.

Объектом научного анализа в данном случае являются *глаза* как выделенный элемент авторской, еще конкретнее – поэтической, картины мира. **Предмет** анализа – семантика текстовых фрагментов, включающих соответствующую лексему.

Цель магистерского исследования – выявить систему образных коннотаций и характер сочетаемости лексемы *глаза* как ключевого элемента авторской картины мира, реализовав данную цель в сравнительном аспекте. Вследствие этого внимание сосредоточено на стихотворных текстах Марины Цветаевой (1892–1941) и китайских поэтов первой половины XX века Ай Цина (1910–1996) и Чжу Цзыцина (1898–1948). Собранные в период с 2015 г. по 2017 г. с помощью методики сплошной выборки из 3 поэтических сборников они послужили **материалом** диссертационного исследования (225 текстовых единиц, включающих лексему *глаза*, в том числе – 134 примера из текстов М. Цветаевой и 91 пример из текстов китайских поэтов). Таким образом, проанализировано поэтическое творчество названных поэтов, а именно – 500 стихотворений. Часть источников являются печатными изданиями, а часть – интернет-публикациями.

В данной работе использовались общенаучные **методы** исследования – анализ и синтез, а также обобщение и классификация; методы наблюдения, сопоставления и систематизации с целью обеспечения первичного уровня обработки материала; методы семантического и контекстуального анализа, текстовой интерпретации, а также уже упомянутая методика сплошной выборки. Для обобщения полученных результатов на отдельных этапах работы востребованной оказалась, кроме того, методика количественной обработки материала.

Полученные результаты:

1. применительно к цели настоящего исследования актуализировано содержание и значение теории языковой картины мира и языковой семантики в лингвистическом контексте; описана соответствующая научная проблематика;
2. сделаны русские подстрочные переводы 91 фрагментов китайских стихотворений;
3. выявлены системы коннотаций лексемы *глаза* в стихотворениях Марины Цветаевой (*стихии огня и света, стихия воды; человек и его характеристики; событие и ситуация*), а также в стихотворениях Ай Цина и Чжу Цзыцина (*стихии огня и света, стихия воды, небесная стихия, человек и его характеристики; событие и ситуация*);
4. достигнуто понимание схожести коннотаций исследованной лексемы на уровне образных групп (исключение составляют образы *небесной стихии*, присутствующие в китайской поэзии и отсутствующие в лирике Марины Цветаевой)
5. определены 2 механизма, использующиеся в русском и китайском языках для развития художественных образов лексемы *глаза*: механизм метафоры и механизм метонимии;
6. описаны языковые средства, обеспечивающие языковую образность ключевого слова *глаза* (существительные, глаголы, прилагательные);

7. разработана система языковых упражнений, позволяющая использовать собранный материал на занятиях по дисциплинам в рамках магистерских языковых программ, в частности, в дисциплине «Основы семантики».

Новизна перечисленных выше результатов обусловлена выбранным материалом и объектом исследования и состоит в том, что лексема *ГЛАЗА* впервые исследована в сопоставительном аспекте как феномен семантической структуры поэтического текста на материале русского и китайского языков.

Практическая значимость проведенного исследования состоит в возможности использовать полученные результаты на занятиях в рамках магистерских языковых программ, в частности, в дисциплинах «Лингвокультурология» и «Основы семантики», которые обращают особое внимание на языковую картину мира, в том числе в сопоставительном аспекте.

Апробация диссертации подтверждена тем, что ее автор опубликовал по теме исследования 3 статьи в сборниках международных и всероссийской конференций:

1. Ли Сине. О значении *ГЛАЗ* в китайской поэзии // Всероссийские с международным участием научные Далевские чтения молодых исследователей: материалы XII чтений, посвященных памяти В.И. Даля. Канск, 17-18 нояб. 2016 г. / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2016. Т. 2. С. 278–279.
2. Ли Сине. *ГЛАЗА* как ключевой элемент авторской картины мира (на материале поэтических текстов Марины Цветаевой) // Международная коммуникация в науке, культуре и образовании: сборник научных статей участников IX Международ. студ. науч.-практ. конф., 19 апр. 2016 г. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2016. С. 28-31.
3. Ли Сине. *ГЛАЗА* в поэзии Марины Цветаевой: система образных коннотаций // Актуальные проблемы филологии: материалы научно-

практической конференции, Красноярск, 29 апр. 2016 г. [Электронное издание] / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2016. С. 28–30.

Кроме того, автор диссертации принял участие с докладами в 7 научных конференциях, форумах и чтениях международного и всероссийского уровней (см. разд. Введение).

ABSTRACT

The object of scientific analysis in the Master's thesis are the *EYES* images in the picture of the world of Marina Tsvetaeva and Chinese poets Ai Qing and Zhu Ziqing . The subject of the analysis is the semantics of text fragments that include the corresponding word.

The purpose of the master's study is to reveal the system of figurative connotations and the nature of the compatibility of the *eyes* lexeme as a key element of the author's world picture, realizing this goal in a comparative aspect.

The author's attention is focused on the poetic texts of Marina Tsvetaeva and Chinese poets of the first half of the 20th century, Ai Qing and Zhu Ziqing. Collected in the period from 2015 to 2017 with the help of the method of continuous sampling from 14 poetry collections, they served as the material of the dissertation research (225 text units including a lexeme of the eye, including 134 examples from M. Tsvetaeva's texts and 91 examples from texts Chinese poets).

In this study, we used the following scientific methods of research: analysis and synthesis, as well as generalization and classification; Methods of observation, comparison and systematization in order to provide a primary level of material processing; Methods of semantic and contextual analysis, textual interpretation, as well as the already mentioned method of continuous sampling. To generalize the results obtained at certain stages of the work, the method of quantitative processing of the material was also in demand.

The results:

- With respect to the purpose of this study, the content and significance of the theory of the linguistic picture of the world and linguistic semantics in a linguistic context are actualized; the corresponding scientific problems are described.
- Made Russian subscriptions of 91 fragments of Chinese poems.
- Identified the system of connotations of the *eye's* lexeme in the poems of Marina

Tsvetaeva (elements of fire and light, the elements of water, the person and his characteristics, the event and the situation), as well as in poems by Ai Qing and Zhu Ziqing (elements of fire and light, the element of water, heavenly element, man and Its characteristics, the event and the situation).

- Achieved an understanding of the similarity of the connotations of the studied lexeme at the level of figurative groups (except for the images of the heavenly elements present in Chinese poetry and absent in Marina Tsvetaeva's lyric poetry).

- Identified 2 mechanisms used in Russian and Chinese for the development of artistic images of the *eye's* lexeme: the mechanism of metaphor and the mechanism of metonymy.

- Describe the language tools that provide the linguistic imagery of the *eye* keyword (nouns, verbs, adjectives).

- Elaborated system of language exercises that use the collected material for classes in the disciplines within the master's language programs, in particular, in the discipline "Fundamentals of Semantics".

The novelty of the above results is due to the selected material and the object of the study. It consists in the fact that the *EYE's* lexeme was first studied in a comparative aspect as a phenomenon of the semantic structure of the poetic text on the material of the Russian and Chinese languages.

The practical significance of the study is the ability to use the results obtained in the classes within the master's language programs, in particular, in the disciplines "Linguoculturology", "Fundamentals of semantics", which pay special attention to the linguistic picture of the world, including in a comparative aspect.

Approbation of the dissertation is confirmed by the fact that its author published on the topic of research 3 articles in the collections of international and All-Russian conferences. In addition, the author of the thesis has participated at 7 scientific conferences, forums and readings of the international and all-Russian levels.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
Глава 1. СЕМАНТИКА ВЫСКАЗЫВАНИЯ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ БАЗА АНАЛИЗА.....	10
1.1. Теория языковой картины мира и ее проблематика	10
1.2. Внутренний мир человека в авторской картине мира	16
1.3. Семантический синтаксис и его терминологический аппарат	20
1.4. Выводы	24
Глава 2. ГЛАЗА В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ПОЭТИЧЕСКИХ КАРТИНАХ МИРА	27
2.1. Система коннотаций слова <i>ГЛАЗА</i> в картине мира Марины Цветаевой	27
2.1.1. Ключевые образы <i>ГЛАЗ</i>	27
2.1.2. <i>ГЛАЗА</i> как манифестант жизни человека: содержание взгляда и характеристики <i>глаз</i>	37
2.2. Система коннотаций слова <i>ГЛАЗА</i> в картине мира китайских поэтов Ай Цина и Чжу Цзыцина	41
2.2.1. Ключевые образы <i>ГЛАЗ</i>	41
2.2.2. <i>ГЛАЗА</i> как манифестант жизни человека: содержание взгляда и характеристики <i>глаз</i>	46
2.3. Выводы.....	52
Глава 3. МЕТОДИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИНАХ	55
3.1. Методические комментарии к упражнениям	55
3.2. Упражнения	57
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	65
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	69
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	76
Приложение А. ПОЭТИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ Марины Цветаевой (иллюстративные фрагменты с включением лексемы <i>глаза</i>)	76
Приложение Б. ПОЭТИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ Ай Цина и Чжу Цзыцина (подстрочные переводы фрагментов с включением лексемы <i>глаза</i>)	82

ВВЕДЕНИЕ

Тема предпринятого диссертационного исследования – «*ГЛАЗА* как ключевой элемент авторской картины мира (на материале поэтических текстов Марины Цветаевой и китайских поэтов Ай Цина и Чжу Цзыцина)» – вписана в русло языковой семантики – находящейся в настоящий момент на пике лингвистических интересов: когнитивистика, семантический синтаксис, лексическая семантика, лингвокультурология, и мн. др. научные направления заставляют исследователей погружаться в изучение содержания и смысла языковых единиц – от отдельного слова до целого текста.

Кроме того, эта же формулировка отсылает к социально-языковой проблематике, а именно, к теории языковой картины мира, которая представляет языковой образ объективного мира и влияет на восприятие человека, его представления, действия и поступки (см. работы Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, А.Д. Шмелева, А.А. Зализняк, В.И. Постоваловой и их последователей). Взаимодействие языковых картин мира разных народов и национальностей играет большую роль в процессе межкультурной коммуникации. И это взаимодействие необходимо учитывать как важнейшее условие эффективного общения.

Языковая картина мира реконструируется только в результате тщательного анализа ее отдельных фрагментов и элементов. Одним из таких частных, но важных элементов является и ключевой образ *ГЛАЗ*, представленный во многих языках, в том числе в русском и китайском. «Глаза – зеркало души», многое говорящие о внутреннем мире, настроениях и физическом состоянии человека, демонстрирующие через это различия национального характера и эмоциональной сферы.

Всем вышесказанным обусловлен исследовательский интерес к соответствующей теме и одновременно ее **актуальность**, имеющая таким образом комплексный характер, – который базируется на специфике

текстового материала, подтверждаясь одновременно в выбранном аспекте анализа.

Итак, **объектом** научного анализа в данном случае становятся *ГЛАЗА* как выделенный элемент авторской, еще конкретнее – поэтической, картины мира; **предметом** же анализа – семантика текстовых фрагментов, включающих соответствующую лексему.

Собранные в период с 2015 г. по 2017 г. с помощью методики сплошной выборки из 14 поэтических сборников (11 сборников на русском языке и 3 сборника на китайском языке) – эти стихотворные фрагменты послужили **материалом** диссертационного исследования (225 текстовых единиц, включающих лексему *ГЛАЗА*, в том числе – 134 примера из текстов М. Цветаевой и 91 пример из текстов китайских поэтов). Таким образом, сделан контекстуальный анализ существенной части поэтического наследия названных поэтов, а именно – 500 стихотворений. Часть источников являются печатными изданиями, а часть – интернет-публикациями.

Новизна полученных результатов, как видно, связана прежде всего с исходным материалом и состоит в том, что лексема *ГЛАЗА* впервые исследована в сопоставительном аспекте как феномен семантической структуры поэтического текста на материале русского и китайского языков.

Цель магистерского исследования – выявить систему коннотаций (то есть языковых образных ассоциаций) и характер сочетаемости лексемы *глаза* как ключевого элемента авторской картины мира, реализовав данную цель в сравнительном аспекте. Вследствие этого внимание сосредоточено на стихотворных текстах Марины Цветаевой и китайских поэтов первой половины XX века Ай Цина и Чжу Цзыцина (в последнем случае авторская картина мира имеет объединенный характер).

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи** сравнительной направленности, а именно:

1. применительно к цели настоящего исследования актуализировать содержание и значение теорий языковой картины мира и языковой семантики; описать соответствующую научную проблематику;
2. изучить поэтические тексты Марины Цветаевой, китайских поэтов Ай Цина и Чжу Цзыцина и выявить в них фрагменты с использованием ключевого слова *глаза* и его текстовых синонимов (*очи, взгляд, взор*);
3. сделать русские подстрочные переводы соответствующих фрагментов китайских стихотворений;
4. проанализировать систему коннотации лексемы *глаза* и ее текстовых синонимов в стихотворениях Марины Цветаевой, Ай Цина и Чжу Цзыцина;
5. сравнить образные системы данного ключевого слова, формируемые в поэтических картинах мира названных авторов;
6. разработать систему упражнений, позволяющую использовать собранный материал на занятиях по дисциплинам в рамках языковых, в том числе магистерских, программ.

В данной работе использованы общенаучные **методы** исследования – анализ и синтез, а также обобщение и классификация; методы наблюдения, сопоставления и систематизации с целью обеспечения первичного уровня обработки материала; методы семантического и контекстуального анализа, текстовой интерпретации, а также уже упомянутая методика сплошной выборки. Для обобщения полученных результатов на отдельных этапах работы востребованной оказалась, кроме того, методика количественной обработки материала.

Практическая значимость проведенной работы состоит в возможности использовать ее результаты на занятиях по магистерским языковым программам, в частности, в дисциплинах «Лингвокультурология» и «Основы семантики», которые обращают особое внимание на языковую картину мира, в том числе в сопоставительном аспекте.

Результаты научно-исследовательской работы автора диссертации были доложены на нескольких конференциях, чтениях и форумах международного и всероссийского уровней:

1. Международная молодежная научно-практическая конференция «Русская речемыслительная культура: проблемы эффективности коммуникации» в рамках «Всероссийской недели русского языка в Сочинском государственном университете», Сочи, 7-12 декабря 2015 г.

2. XII Всероссийские с международным участием научные чтения молодых исследователей, посвященные памяти В.И. Даля: Канский педагогический колледж, Канск, 19-21 ноября 2015 г.; доклад Ли Сине на тему «Символика цвета в китайской и русской культурах».

3. IX Международная студенческая научно-практическая конференция «Международная коммуникация в науке, культуре и образовании»: Российский государственный педагогический университет им А.И. Герцена, Санкт-Петербург, 19 апреля 2016 г.; доклад Ли Сине на тему «ГЛАЗА как ключевой элемент авторской картины мира (на материале поэтических текстов Марины Цветаевой)».

4. XIII Всероссийские с международным участием научные чтения молодых исследователей, посвященные памяти В.И. Даля: Канский педагогический колледж, Канск, 17-19 ноября 2016 г.; доклад Ли Сине на тему «Образы ГЛАЗ в китайской поэзии».

5. XVII Международный научно-практический форум студентов, аспирантов и молодых ученых «Молодежь и наука XXI века»: Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Красноярск, 07 апреля-26 мая 2016 г.; доклад Ли Сине на тему «ГЛАЗА в поэзии Марины Цветаевой: система образных коннотаций».

6. XIII Международный научно-практический форум студентов, аспирантов и молодых ученых «Молодежь и наука XXI века», посвященного 85-летию КГПУ им. В.П. Астафьева: Красноярский государственный

педагогический университет им. В.П. Астафьева, Красноярск, 2017 г.; доклад Ли Сине на тему «ГЛАЗА в китайской поэзии: система образов».

7. Круглый стол «Молодежь и предпринимательство в современном мире: образование, карьера, бизнес» в рамках IV Международного научно-образовательного форума «Человек, семья и общество: история и перспективы развития», Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Красноярск, 16 ноября 2015 г.

Апробацию полученных научно-исследовательских результатов подтверждают и 3 научные **публикации**:

1. Ли Сине. О значении *ГЛАЗ* в китайской поэзии // Всероссийские с международным участием научные Далевские чтения молодых исследователей: материалы XII чтений, посвященных памяти В.И. Даля. Канск, 17-18 нояб. 2016 г. / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2016. Т. 2. С. 278–279.
2. Ли Сине. *ГЛАЗА* как ключевой элемент авторской картины мира (на материале поэтических текстов Марины Цветаевой) // Международная коммуникация в науке, культуре и образовании: сборник научных статей участников IX Междунар. студ. науч.-практ. конф., 19 апр. 2016 г. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2016. С. 28-31.
3. Ли Сине. *ГЛАЗА* в поэзии Марины Цветаевой: система образных коннотаций // Актуальные проблемы филологии: материалы научно-практической конференции, Красноярск, 29 апр. 2016 г. [Электронное издание] / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2016. С. 28–30.

Структура работы обусловлена сформулированными целью и задачами и включает введение, 3 главы, заключение, список научных источников и литературы и приложения. Первая глава – «Семантика высказывания как лингвистическая база анализа» – представляет интересующую нас проблематику в контексте современного

лингвистического знания, включая обзор работ по языковой семантике и теории языковой картины мира. Во второй главе собственно исследовательского характера – «ГЛАЗА в русской и китайской поэтических картинах мира» – представлен лингвистический анализ образов-метафор и образов-метонимий *глаз* в поэтических картинах мира Марины Цветаевой, Ай Цина и Чжу Цзыцина. Третья глава демонстрирует возможности методического использования собранного материала в преподавании лингвистических дисциплин через систему упражнений.

Список использованных источников и литературы включает 64 научные публикации, на которые автор данной работы ссылался в своей диссертации, и 14 поэтических сборников, послуживших текстовой базой анализа. Два приложения представляют иллюстративные примеры поэтических текстов Марины Цветаевой и подстрочные переводы Ай Цина и Чжу Цзыцина с китайского языка на русский, сделанные автором магистерской диссертации.

Глава 1

СЕМАНТИКА ВЫСКАЗЫВАНИЯ

КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ БАЗА АНАЛИЗА

Объект исследования – *ГЛАЗА* как фрагмент авторской картины мира – обуславливают то, что научной базой анализа становится языковая семантика. Рассмотрим в этой связи несколько лингвистических направлений, которые занимаются изучением смысла высказывания в целом и его отдельных элементов.

1.1. Теория языковой картины мира и ее проблематика

Языковая картина мира (ЯКМ) – составляющая общей картины мира (КМ) – «исходного глобального образа мира, лежащего в основе мировидения человека, репрезентирующего сущностные свойства мира в понимании ее носителей и являющегося результатом всей духовной активности человека. Картина мира ... субъективный образ объективной реальности» [Постовалова, 1988: 21; об истории данного понятия см. там же: 12–18; Корнилов 2011: 5–21]; в других исследованиях под это понятие подводится «модель мира» [Цивьян 1990: 5; Шмелев 2002; 2002a] и обсуждаются взаимосвязи картины мира и языка как формы ее содержания [Колшанский 2006; Корнилов 2011]. В данном случае здесь использованы материалы обзора, приведенного в [Осетрова 2012: 24–45].

Материалом для реконструкции языковой картины мира служат только факты языка: лексемы, морфологические формы, синтаксические конструкции и т.п. [Языковая картина мира ... 2006: 34].

Хотя понятие языковой картины мира освоено российской лингвистикой и внедрено в вузовские учебники и пособия [Кронгауз 2005; Радбиль 2010; Коньков, Неупокоева 2011; Корнилов 2011], Н. Ф.

Алефиренко, со ссылкой на Ю. Н. Караулова, отмечает скованность лингвистов при оперировании им как термином и придание ему метафорического характера [Алефиренко 2009: 65]. Это становится очевидным при знакомстве с несколькими оценочными определениями: разные авторы называют ЯКМ «языковым мировоззрением» [Бахтин; цит. по: Борухов 1991: 16] «душой языка» [Борухов 1991: 16], «обыденной картиной мира» или вообще присваивают ей статус наивной модели мира [Туровский 1991: 91; Апресян, Апресян 1993: 30; Языковая картина мира ... 2006: 34].

Споры вокруг данного понятия до сих пор ведутся на страницах научных изданий, итогом чего можно считать список более или менее пересекающихся определений:

- языковая картина мира – это «зафиксированная в языке и специфическая для данного языкового коллектива схема воспроизведения действительности» [Яковлева 1999: 9];
- «языковой картиной мира принято называть совокупность представлений о мире, заключенных в значении разных единиц данного языка (полнозначных лексических единиц, "дискурсивных слов", устойчивых сочетаний, синтаксических конструкций и др.), которые складываются в некую единую систему взглядов» [Зализняк 2006: 206–207];
- «языковая картина мира есть воспроизведение в языке при помощи средств языка предметов и явлений окружающей действительности ... Отражая мир в его бесконечном разнообразии и целостности, языковая картина мира указывает на составляющие картины, их состояние, положение, то есть связи по отношению друг к другу» [Алефиренко 2009: 66].

В общем, одни лингвисты занимаются критической оценкой уже существующих формулировок [Князев 2011: 264–265], другие выводят

собственные, а третьи занимаются обработкой и анализом конкретного материала. В обзоре Ю. П. Князева даны ссылки на множество серьезных авторских и коллективных исследований, посвященных исследованию языковой картины мира и опубликованных за последние годы [Князев 2011]; о том же свидетельствует библиография, собранная в [Корнилов 2011].

Важным является и вопрос классификации языковой картины мира. Большинство ученых согласны с тем, что она делится на научную картину мира, отражающую объективные законы и сущность явлений, универсальную для языкового сообщества [Корнилов 2011: 12], и наивную картину мира, складывающуюся стихийно, в обыденной практике [Уфимцева 1988: 117]. В границах последней выделяют языковую картину мира – часть картины мира, которая, повторим, «опосредована языковыми знаками или даже шире – знанием языка, его единиц и правил и, главное, содержанием его форм» [Кубрякова 1988: 144].

Для данного диссертационного исследования очень важна мысль о том, что **исследование картины мира** кроме целостного описания **предполагает внимание к отдельным ее фрагментам** [Постовалова 1988: 33; Яковлева 1994: 14; Чудинов 2006: 43–51; Корнилов 2011: 22–23]. Последний подход особенно плодотворен в том отношении, что через анализ частных деталей, оппозиций, семантических «сгустков», признанных формообразующими, позволяет восстановить общую структуру [Цивьян 1990: 5, 59, 70]. Эта гипотеза, как отмечает Е.В. Осетрова [Осетрова 2012: 28], плодотворно развивается несколькими научными школами.

Перспектив русского идеографического словаря «Мир человека и человек в окружающем его мире» под редакцией Н. Ю. Шведовой издан в 2004 г. Его авторы предлагают систематизировать содержательную сторону языка, учитывая наличие неких «смысловых исходов», организованных триадой «определенность / неопределенность / непредставленность», концептов и «миров-сфер». «Миры-сферы» иерархизированы:

- Мир I как все высшее, непостижимое или непонятное, данное человеку извечно;
- Мир II, ощущаемый, сознаваемый человеком как существующее, развивающееся и взаимодействующее начало;
- Мир III, окружающий человека и познаваемый им;
- Мир IV, собственно мир человека – он сам;
- Мир V, создаваемый человеком;
- Мир VI, создаваемый умом и духом человека как антипод материальному [Перспектив ... 2004: 24].

В «Перспективе ...» не только продемонстрирована объясняющая сила выдвинутой теории на примерах словарных статей *Судьба* (Мир I), *Солнце* (Мир III) и *Молва* (Мир VI), но и дана подробнейшая к тому времени библиография источников по проблемам лингвистической концептологии.

«Ключевые идеи русской языковой картины мира» в одноименной книге представляют А. Д. Шмелев, Анна А. Зализняк и И. Б. Левонтина. Авторы отстаивают ту точку зрения, что представления человека о действительности, которые в неявном виде переданы в значении слов и словосочетаний, складываются в единую языковую картину. А человек, пользуясь этими словами, «сам того не замечая, принимает и заключенный в них взгляд на мир» [Зализняк, Левонтина и др. 2005: 9]. Ключевые слова русской культуры – *душа* и *тоска*, *судьба* и *разлука*, *справедливость*, *обида* и *попрек*, а также *добираться*, *довелось*, *сложилось*, *на своих двоих*, *на всякий случай* – говорят о нашем восприятии пространства и времени, свидетельствуют о чувствах и типичных взаимоотношениях, обнажают наши намерения в надежде *сделать дело*, в конце концов приближая к разгадке национального характера.

На сопоставимой исходной позиции стоят Ю. Д. Апресян и его коллеги и последователи: В. Ю. Апресян, О. Ю. Богуславская, Е. Э. Бабаева, Т. В. Крылова, А. В. Санников, Е. В. Урысон и другие создатели «Нового

объяснительного словаря синонимов русского языка» [Новый объяснительный ... 2004]. Поскольку не оставляет сомнений тот факт, что языковая картина мира лингво-, или этноспецифична, отражая способ мировидения, присущий конкретному языку и «отличающий его от каких-то других языков», этот последний «проявляет себя в национально специфичном наборе ключевых идей – своего рода семантических лейтмотивов, каждый из которых выражается многими средствами самой разной природы – морфологическими, словообразовательными, синтаксическими, лексическими и даже просодическими» [Языковая картина мира ... 2006: 35]. Следуя плану реконструкции языковой картины мира, лингвисты воссоздают, например, языковую модель понимания или наивно-языковые представления о вежливости, обсуждают семантику русского достоинства, смирения и понимания и т.д.

Таким образом, фрагментарность является ведущим подходом к воссозданию языковой картины мира. Лингвист выбирает отдельный ее участок и детально исследует на предмет составляющих элементов, систем, механизмов, делающих ее «живой» в пространстве готового текста.

Некоторые специфические свойства и признаки русской языковой картины уже известны; подтверждает это статья Ю. П. Князева [Князев 2011]. Приведем вслед за автором некоторые сквозные идеи, или семантические «сгустки», оформляющие русское языковое сознание и управляющие им:

- иррациональность – «подчеркивание ограниченности логического мышления, человеческого знания и понимания, непостижимости и непредсказуемости жизни»: *авось*; безличные конструкции: *Его переехало трамваем; Его убило молнией* [Вежбицкая 1997: 73–84];
- неагентивность – «ощущение того, что людям неподвластна их собственная жизнь, что их способность контролировать жизненные события ограничена»: инфинитивные конструкции типа *Не догнать*

тебе бешеной тройки; Мне не спится [Вежбицкая 1997: 55–73; Арутюнова 1999: 796–814; Падучева 1997: 23]; в том числе производная неагентивность: *Ему посчастливилось поступить в университет; Мне не пляшется; А он тут и закричи!* [Князев 2011: 270–272];

- неопределенность: *как бы, кажется, чудится* [Арутюнова 1999: 814–862];
- **эмоциональность** – «ярко выраженный акцент на чувствах и на их свободном проявлении»: *радоваться, тосковать, огорчаться, унывать, ужасаться, злиться, стыдиться, томиться, тревожиться*; суффиксы эмоциональной оценки: *-еньк, -очк, -ок, -ик, -ушк, -уш(а)* [Вежбицкая 1997: 42–44; 50–55; 118–137];
- субъективация действительности, то есть возможность одно явление обозначить по-разному в зависимости от отношения к нему: *потуги – усилия, приспешник – соратник, пресловутый – знаменитый, раскол – размежевание, очернять – разоблачать* [Эпштейн 1991: 27–30; Князев 2007];
- оппозиция «причастность – непричастность» говорящего к описываемой ситуации / событию как регулярный семантико-речевой аспект: *близко – вблизи, поблизости, прийти – зайти, войти* [Яковлева 1994; Князев 1999; Скобликова 2006]; добавим: *друг – гражданин; Ленусик – Елена Сергеевна; мы-родительское: – А мы уже головку держим*; и мн. др. [Ким 2009; 2011];
- ‘в жизни всегда может случиться нечто непредвиденное’: *если что, в случае чего, вдруг, – поэтому*
- ‘все же все равно не предусмотреть’: *авось*;
- ‘чтобы сделать что-то, бывает необходимо мобилизовать внутренние ресурсы, а это не всегда легко’: *неохота, собираться / собраться, vybrаться, – но зато*

- ‘человек, которому удалось мобилизовать внутренние ресурсы, может сделать очень многое’: *заодно*;
- ‘человеку нужно много места, чтобы чувствовать себя спокойно и хорошо’: *простор, даль, ширь, приволье, раздолье*, – но
- ‘необжитое пространство может приводить к душевному дискомфорту’: *неприкаянный, маяться, не находить себе места*;
- ‘хорошо, когда человек бескорыстен и даже нерасчетлив’: *мелочность, широта, размах* [Шмелев 2002а: 300].

Дополним этот ряд утверждением А. Д. Шмелева, которое, также очень важно для автора диссертационной работы: «**Уникальность человека**, отличающую его от животного мира, **русский язык видит** не столько в его интеллектуальных или душевных качествах, сколько **в особенностях его строения и в функциях составляющих его частей**, в частности **в строении тела** (выделено мной. – Л.С.). Ср.: “Тело человека – вот что первое всего называем мы человеком” (свящ. Павел Флоренский)» [Шмелев 2002: 306].

Лексема *ГЛАЗА* представлена во всех языках, в том числе в русском и китайском. Она обозначает часть человеческого тела – орган зрения. По общим представлениям, «Глаза – зеркало души», многое говорящие о внутреннем мире человека, о настроениях и физическом состоянии своего хозяина и демонстрирующие через это различия национального характера и эмоциональной сферы. С учетом этого выявление семантики и образных коннотаций *ГЛАЗ* в авторской картине мира для понимания общей национальной языковой картины мира весьма важно.

1.2. Внутренний мир человека в авторской картине мира

Выше, в разд. 1.1, было дано определение языковой картины мира как глобального образа мира, в составе которой выделяются и индивидуальные авторские картины мира писателей.

Автор диссертации сосредоточивается именно на этом аспекте, поскольку писатель, рисуя свою картину мира, одновременно обладает особым видением действительности, внимательным и глубоким, какого у рядового носителя языка нет. В лингвистической литературе существует примеры таких описаний, особенно на поэтическом материале; см. [Агабекова, 2002. С. 112–127; Тильман, 2002. С. 491–499; Зализняк, Левонтина, Шмелев, 2005], а библиографию по теме в [Перспект..., 2004. С. 68–135].

Такие работы, кроме отражения идеологии и эстетики каждого автора, уточняют национальную языковую картину мира. У Р. Барта, например, субъективность авторского «Я» в художественном тексте есть не что иное, как «всеобщность стереотипов» [Барт, 2001. С. 37]. А Ю.М. Лотман для понимания запредельной языку реальности – внешнего мира – считает необходимым использовать факты различных культурных языков (в том числе язык литературных произведений), «взаимно необходимых друг другу в силу неспособности каждого в отдельности выразить мир. Языки эти как накладываются друг на друга, по-разному отражая одно и то же, так и располагаются в «одной плоскости», образуя в ней внутренние границы» [Лотман, 1992. С. 9–10, 92].

С учетом сказанного была сформулирована и исследовательская цель данной работы – проанализировать семантику и коннотации *ГЛАЗ* в индивидуальных авторских картинах мира.

Являясь выразителями внутреннего мира человека, *ГЛАЗА* связаны с вниманием к сфере эмоций и чувств.

В российской лингвистике эту тему открыл В.В. в 1935 году, когда впервые отметил, что в произведениях А.С. Пушкина чувства уподобляются стихиям жидкости или огня [Виноградов 1935]. Этим наблюдением внимание ученых-лингвистов было обращено на обширную и не изученную в этом аспекте группу слов русского языка, носящую общее название

абстрактных наименований. Подробно к её исследованию российские лингвисты приступили в 70-е годы XX века.

В.Н. Телия описала «грамматику умственной жизни» (анализ сочетаемости слов типа *мысль*) и выяснила, что данную группу наименований обслуживают предикаты движения и присоединения [Телия, 1981; 1988]. Вполне естественно с точки зрения языковых законов звучит, например, предложение типа *Одна навязчивая идея внезапно пришла ему в голову, и он никак не мог от нее отвязаться.*

В.А. Успенский на основе анализа сочетаемости слов *горе* и *радость* установил, что первое из названных здесь состояний ассоциируется с тяжелой маслянистой жидкостью, а второе – с легким, светлым пузырящимся веществом, напоминающим шампанское [Успенский 1979].

Кроме того, основой для диссертационного исследования послужил раздел «Специфика несвободной сочетаемости имен чувств» из книги Н.Д. Арутюновой «Предложение и его смысл». Многочисленные примеры и наблюдения приводят Н.Д. Арутюнову к выводу: «На основе ряда понятий – влаги, огня, ветра, живого существа и др. – возникает некий сводный образ чувства, выделяемый в наборе противоречивых с точки зрения логики предметного мира предикатов» [Арутюнова 1976].

ГЛАЗА оказываются объектом специального лингвистического внимания в монографии Е.В. Осетровой [Осетрова 2012: 94 – 97].

Как пишет исследователь, в ряду соматизмов (слов, обозначающих части человеческого тела) глаза – это орган, наделенный языковым сознанием уникальной способностью, о которой, повторимся, говорит известная поговорка *Глаза – зеркало души*.

В монографии рассматриваются примеры из художественных текстов; в частности, из «Мастера и Маргариты» М. Булгакова: *Он попытался усмехнуться, но в глазах его еще прыгала тревога, и руки дрожали; Основное, что определяло его лицо, это было, пожалуй, выражение*

добродушия, которое нарушали, впрочем, глаза <...> в щелочках этих глаз светилось незлобное лекарство. Надо полагать, что гость прокуратора был склонен к юмору. В каждом отрывке противопоставлены факты двух типов: с одной стороны, состояние, наличие которого доказывается первоначально и о котором свидетельствует поверхностное наблюдение, а с другой – состояние, выраженный глазами; ср.: *попытался усмехнуться ... но тревога в глазах; выражение добродушия [на лице] ... незлобное лекарство в щелочках глаз.*

В результате исследователь приходит к выводу, что *глаза* осмысливаются и употребляются в русском языке как проявитель **истины** – подлинного состояния субъекта или подлинного свойства, ему присущего.

Если внимание сконцентрировано на *глазах*, истина может содержаться еще глубже: *Они [глаза] были настороженные, фальшивые, и в глубине их таилось нехорошее, пакостное дело, если не целое преступление* (М. Булгаков). *Бездна, глубина, дно, самое доньико (глаз)* – сигналы абсолютной достоверности обнаруженного факта. Отсюда можно говорить об иерархии по признаку «степень доверия» со стороны наблюдателя в ЯКМ: прочие соматизмы («не совсем доверяю», – / +) → *глаза* («доверяю», +) → *глубина / бездна глаз* («абсолютно доверяю», ++).

Язык изобрел метафору, ярко окрашивающую тексты, в которых *глаза* начинают работать как индикатор, передавать «некое движение души». Речь идет о глаголе *ожить* (как вариант *живые*). *Ожить (живые)* сигнализирует о том, что внутренняя жизнь человека находится в фокусе авторского внимания.

Показательно, что в языке используется и противоположная по отношению к вышеприведенной формула – *глаза помертвели; глаза мертвые* – знак запрета на считывание информации. Функция выражения внутреннего мира человека настолько неотделима от *глаз*, что если они вдруг перестают ей удовлетворять, то квалифицируются как «умершие».

Возможна, впрочем, не такая крайняя трактовка сбой выражения, когда его передают глаголы *(не) выразить, (не) пропустить, (не) показывать, (не) говорить (глазами)*, выдвигая на первый план коннотацию «глаз как занавешенного зеркала».

В любом случае *глаза* – осмысливаются в языковой картине мира как выразители неограниченного числа фактов и событий эмоциональной, интеллектуальной, физической, даже социальной природы [Осетрова 2012] .

1.3. Семантический синтаксис и его терминологический аппарат

Предпринятое исследование находится в тесной взаимосвязи с еще одним направлением современной лингвистики – семантическим синтаксисом, который формирует представление о смысловой устроенности высказывания, понятийный аппарат работы и введен в учебные курсы университетов [Шмелева 1994; Левицкий 2002; Гайсина 2004; Шкуропацкая 2008]. К тому же для многих лингвистов картина мира ассоциируется с семантической системой языка [Киклевич 2007: 174].

В соответствии с семантической теорией любое высказывание подразумевает соединение объективного (исходящего от действительности) и субъективного (исходящего от автора) начал, которые в терминах Ш. Балли получили названия «**диктум**» и «**модус**» [Балли 1955: 44].

Единицей устройства диктума и во вторую очередь – модуса – является **пропозиция**.

Об истории этого термина писала Н.Д. Арутюнова еще в 70-х годах XX века [Арутюнова 1976: 21–39], и многие современные исследователи не сомневаются, что пропозиция – краеугольный камень в теле семантического синтаксиса [Проблемы функциональной ... 2000: 129].

Понятие пропозиции, по наблюдениям Е.В. Осетровой [Осетрова 2012: 40] регулярно замещают / уточняют синонимичными ему «схемой»,

«сценарием», «ситуационной рамкой», «прототипом», «слотом», «лексией», «скриптом», «гештальтом» и «фреймом» и т.п. [Барт 2001: 37–45; Карасик 2002; Володина 2004: 23; Кубрякова, Цурикова 2004: 152; Чудинов 2004: 176; Алефиренко 2006: 9; 2009: 59–61]. «Фрейм», в частности, особенно популярен в трудах по когнитивной лингвистике, лингвокультурологии и социолингвистике, где излагается история и традиция употребления понятия [Вахтин, Головкин 2004: 267–270; 2003: 285–293].

Автор диссертации, используя пропозицию в качестве основного термина, понимает под ней «языковое воплощение некоего положения дел в действительности» [Шмелева 1994: 8]; лингвоаналог «живого» события; минимальное и неделимое семантическое целое [Проблемы функциональной ... 2000: 129] Типология пропозиций включает 5 основных типов (существование, состояние, действие, движение и восприятие), каждый из которых может описывать любую из 4-х семантических сфер – физическую, психическую, интеллектуальную и социальную [Шмелева 1994: 8]. Конкретные пропозиции воплощаются в разных языковых формах (репрезентациях) от предложения до отдельной лексемы.

Внутренняя структура пропозиции может быть представлена с разной степенью детализации. Ее разнообразят **актанты** – языковые аналоги участников ситуации – и сирконстанты, или обстоятельства места и времени (термины Л. Теньера [Теньер 1988: 117–130]). Каждый из актантов имеет собственный набор своеобразных языковых амплуа: субъекта, объекта, инструмента и т.д., – иногда даже совмещая две семантические роли [Апресян, Богуславский и др. 2010: 356–361]. Актанты, заполняющие частную пропозицию, образуют ее конфигурацию, располагаясь в зависимости от намерений автора в коммуникативном центре либо на периферии высказывания.

Актантами могут быть и пропозитивные существительные (*взгляд*, *улыбка* и т.д.). В данном случае процессную сущность язык преподносит как

предметную, наделяя ее вещным статусом имени [Арутюнова 1976: 93–111; Успенский 1979].

Теория актантов подробно разработана в отечественном и зарубежном языкознании. Популярны классификации, произведенные на оригинальных основаниях и в разных терминологических традициях: глубинные падежи Ч. Филлмора [Филлмор 1981; 1981a], синтаксемы Г. А. Золотовой [Золотова 1988], семантические функции и пропозициональные падежные роли В. В. Богданова [Богданов 2007: 111–119], актанты и актантные валентности Ю. Д. Апресяна [Апресян, Богуславский и др. 2010: 347–379]. Информация о семантической организации высказывания введена в учебную литературу и словари [Шмелева 1994; Современный русский ... 1997: 775–784; Крысин 2007: 39–43].

Список актантов не фиксирован и время от времени дополняется новыми единицами. О необходимом расширении списка писал Ч. Филлмор. Он обосновал это разнообразием объективного мира, когда специфика языковой ситуации требует введения в теорию очередного актанта: «Значения обуславливаются ситуациями» [Филлмор 1981a: 497].

Ниже приведен список ролей, используемых в диссертации, сведенный воедино в [Осетрова 2012]:

- агенс – ‘производитель действия’ [Золотова 1988: 430];
- адресат – ‘лицо или реже предмет, к которому обращено информативное, донативное (передача предмета) или эмотивное действие’ [Золотова 1988: 430];
- делибератив – ‘объект речемыслительного, социального действия или восприятия’ [Золотова 1988: 430];
- инструмент(ив) – ‘орудие действия’ [Золотова 1988: 430];
- комитатив – ‘сопровождающее лицо или предмет, присутствие или наличие которого характеризует предмет или ситуацию как целое по части, детали’ [Золотова 1988: 283];

- локатив – ‘местонахождение’ [Золотова 1988: 431];
- объект – ‘предмет (лицо), подвергающийся действию или каузальному воздействию’ [Золотова 1988: 431];
- объект существования – ‘неактивный агенс’ [Арутюнова, Ширяев 1983: 8];
- пациенс – ‘лицо, подвергающееся воздействию субъекта’ [Шмелева 1994: 41];
- перцептив – ‘объект восприятия’ [Шмелева 1994: 41];
- посессор – ‘лицо (предмет), обладающее, владеющее чем-либо’ [Золотова 1988: 431];
- субъект – ‘иерархически первый участник, занятый в событийном сценарии, степень активности и сознательности которого может быть различной’ [Шмелева 1994: 42];
- экспериенсив – ‘субъект состояния’ [Богданов 1977: 52].

В заключение данного раздела обратим внимание еще на один аспект семантики высказывания и текста, важный для данного диссертационного исследования.

Основной способ представления диктума – прямой способ. Это значит, что события, ситуации, положения дел представлены в языке адекватно действительности, с помощью глаголов, существительных и других лексических средств в их стандартных значениях.

Между тем может быть применен образный способ отображения действительности; тогда рабочим становится понятие **коннотации** – языковой ассоциации [Телия 1981; 1986; 1988].

Коннотация базируется на устойчивой сочетаемости слов, создающей оригинальный метафорический образ [Успенский 1979]. Образные коннотации имен чувств и имен ментальной семантики анализируют в своих, давно ставших образцовыми в данной области работах Н.Д. Арутюнова [Арутюнова 1976: 93–111] и В.Н. Телия [Телия 1981].

По утверждению В.Н. Телия, образная метафора «может воплощаться в одном слове, но чаще всего <...> это целостное художественное полотно или эскиз со своей идеей, композицией и красками» [Телия 1988: 198]. Понимание этого помогает выделить и коннотативные образы *ГЛАЗ*. На них как бы накладывается сторонняя ситуация, через которую *ГЛАЗА* воспринимает автор текста.

1.4. Выводы

Здесь представлены общие выводы, существенные для последующего анализа.

1.

Языковая картина мира – это совокупность представлений о мире, заключенных в данном языке (лексических единицах, устойчивых сочетаниях, синтаксических конструкциях и др.), которые складываются в единую систему взглядов.

Языковая картина мира, отражая мир в его бесконечном разнообразии и целостности, указывает на составляющие картины, их состояние, положение и связи по отношению друг к другу.

2.

В составе общей языковой картины мира выделяются индивидуальные авторские картины мира писателей и поэтов. Они, рисуя свою картину мира, одновременно обладают особым видением действительности, внимательным и глубоким, какого у рядового носителя языка нет. В лингвистической литературе существует множество исследований языковой картины, сделанных на поэтическом материале.

Такие работы, кроме отражения идеологии и эстетики каждого автора, уточняют национальную языковую картину мира, поскольку, по Р. Барту,

субъективность авторского «Я» в художественном тексте есть не что иное, как «всеобщность стереотипов».

Автор диссертации избирает именно на этом аспекте исследования, сосредоточившись на исследовании авторских поэтических картин мира.

3.

Исследование картины мира кроме целостного описания предполагает внимание к отдельным ее фрагментам.

Фрагментарность является ведущим подходом к воссозданию языковой картины мира. Лингвист выбирает отдельный ее участок и детально исследует на предмет составляющих элементов, систем, механизмов, делающих ее «живой» в пространстве готового текста.

4.

Некоторые специфические характеристики и признаки русской языковой картины уже известны; для данного исследования особо важными оказываются две ее характеристики:

- эмоциональность – «ярко выраженный акцент на чувствах и на их свободном проявлении»;
- и то, что, по А. Д. Шмелеву, «Уникальность человека, отличающую его от животного мира, русский язык видит не столько в его интеллектуальных или душевных качествах, сколько в особенностях его строения и в функциях составляющих его частей, в частности в строении тела» .

5.

Лексема *ГЛАЗА* представлена во всех языках, в том числе в русском и китайском. Она обозначает орган (часть) человеческого тела, который по общим представлениям многое говорит о внутреннем мире человека. По классификации языковой картины мира Н.Ю. Шведовой, *ГЛАЗА* относятся к Миру IV, собственно миру человека.

«Глаза – зеркало души», рассказывающие о настроениях и физическом состоянии своего хозяина и демонстрирующие через это различия национального характера.

Глаза употребляются в русском языке как проявитель истины – подлинного состояния субъекта или подлинного свойства, ему присущего; для этого используются метафоры сосуда (*глубина / бездна глаз*) и жизни (*ожить (живые глаза)*) либо, напротив, коннотация *глаз* как «занавешенного зеркала» (*(не) выразить, (не) пропускать, (не) показывать, (не) говорить (глазами)*).

В общем *глаза* осмысливаются в языковой картине мира как выразители неограниченного числа фактов и событий эмоциональной, интеллектуальной, физической, даже социальной природы.

С учетом этого выявление семантики и образных коннотаций *ГЛАЗ* в авторской картине мира для понимания общей национальной языковой картины мира весьма важно.

6.

В качестве базы анализа выбран метод семантического анализа текста. Он предполагает анализ сочетаемости выделенного ключевого слова с глаголами, существительными, прилагательными, причастиями и другими частями речи, составляющими его ближайшее контекстное окружение в данном случае – в поэтических текстах.

В этой связи основными рабочими терминами в работе являются «коннотация», «(языковой) образ» «пропозиция», «актант» и «актантная роль».

Глава 2

ГЛАЗА В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ПОЭТИЧЕСКИХ КАРТИНАХ МИРА

2.1. Система коннотаций слова *ГЛАЗА* в картине мира

Марины Цветаевой

2.1.1. Ключевые образы *ГЛАЗ*

В стихотворениях М. Цветаевой (1892–1941) сочетаемость лексемы *глаза* обусловлена ее употреблением в прямом значении «физический орган». Однако таких примеров немного, и цель исследования иная – выявить коннотации данного ключевого слова, определенные его вторичными, образными, значением.

Множество примеров позволяют выделить целую группу коннотаций, общей семой для которых служит значение лексемы *стихия*: у поэта *глаза* ассоциируются со светом, тьмой, огнем, водой и т.д. (см. Приложение 1).

В сознании поэта, в результате целенаправленного анализа литературного языка или интуитивно, возникает тот или иной художественный образ *глаз*.

Языковые способы выражения этих коннотаций различны: на сочетаемости слова с глаголами, существительными и прилагательными базируются образные приемы и средства: метафоры, сравнения, отождествление, метонимия.

Ниже представлены лингвистические наблюдения, проведенные на обозначенном материале.

Семантический анализ показал, что все примеры формируют две линии образов на основании используемого языкового средства – метафора (перенос по сходству) и метонимия (перенос по смежности).

КОННОТАЦИИ-МЕТАФОРЫ

Основными метафорическими коннотациями *глаз* являются стихии и атрибуты огня, света, неба, воды, пустыни, сна.

Огонь – Лед

Как передать закрепощенный пыл Зрачка... (Георгий);

Знай одно: твой взгляд широк от жара (Але);

Глаза – как лед (Четвертый год...).

Можно назвать эти метафоры актантными, связанными с пропозитивной метафорой действия – *глаза пылают / горят*; ср.:

Настанет день, – печальный, говорят! –

Отцарствуют, отплачут, отгорят, –

Остужены чужими пятаками, –

Мои глаза, подвижные, как пламя

(Настанет день, – печальный, говорят!..);

В некоторых случаях два названные способа образования метафоры соединяются, и тогда возникают следующие описания:

Как два костра, глаза твои я вижу,

Пылающие мне в могилу – в ад... (Тебе через сто лет);

– как одновременное употребление пропозитивной метафоры (*пылать*) и сравнения (*как два костра*));

Думаешь – глаз? Красный всполох –

Око твое! – Перебег зарев!

Огнепоклонник! Не опалюсь!

По мановенью – горят, гаснут!

Огнепоклонник! Не поклонюсь!

В черных пустотах твоих красных

Стройную мощь выкрутив в жгут –

Мой это бьет – красный лоскут! (Отрок)

– как одновременное употребление пропозитивной метафоры действия (*гореть, гаснуть*), отождествления (*красный всполох – око*) и иносказания (*черные пустоты*)).

Итак, тексты поэта проявляют яркие коннотации ключевого слова, созданные на основе глаголов в образных значениях, сравнений, отождествлений и иносказаний.

Приведенные выше примеры расположены таким образом, чтобы обратить внимание на все возрастающую степень конкретизации коннотаций: от пропозитивной метафоры к сравнению, затем – к отождествлению и, наконец, к иносказанию.

Этот ряд завершает прием «чистого» иносказания. Иносказание – очень высокая степень конкретизации коннотации, поскольку оно используется художником лишь в том случае, когда он сливает в своем сознании какую-то конкретную реалию с её метафорическим образом. В таком случае поэт естественно для себя не называет реалию, полностью заменяя её обозначением отождествленного с ней процесса или предмета. Читателю, в свою очередь, требуется специальное усилие, для того чтобы понять это образное иносказание.

В заключение обсуждения «огненных» коннотаций, обратим внимание на то, что строки

Я думаю о том, как Ваши брови

Сошлись над факелами Ваших глаз (Байрону);

А глаза, глаза на лице твоём –

Два обугленных прошлолетних круга! (Т. В. Чурилину);

...Дымящие – черным двойным жерлом –

Большие глаза Адама (Первое солнце)

– свидетельствуют о «вещных» коннотациях: «глаза – это факел / кострище / жерло (вулкана); дополним этот ряд примерами из предыдущих иллюстраций: «глаза – это костер / черные пустоты ». Безусловно, здесь прослеживается их смысловая связь с образами огня, что соединяет стихийные и вещные коннотации в целостный образ.

Свет – тьма

Примеры иносказаний, продолжающие ряд коннотаций-метафор, связывают языковое сознание со «стихией света»:

Барин <...> А поглядел бы заревом!

То в проваленной памяти –

Зори ее: глаза его! (Листья ли с древа рушатся...);

Смирит лазоревою ярость

Ресниц моих – единый взмах! (Вестнику).

С другой стороны, *глаза* коннотируют с «темными» стихиями, противостоящими огню и свету. У Цветаевой – это, в первую очередь, *тьма*:

Под толщей век,

В прозорливых тьмах... (Сивилла).

Вообще, в русском языке существует целый ряд наименований, обозначающих самые разнообразные стадии и «виды» темноты, для которых признак «что-то непроглядное, темное» является общим: *мрак, темнота, муть, туман, тень*. Любое из них может быть использовано при описании *глаз*.

Небо

Все видят пресветлые два

Провала в небесную бездну (Але);

Под крыльями раскинутых бровей –

Две бездны (С.Э.).

Космос

Представляется возможным выделить в творчестве М. Цветаевой еще один коннотативный ряд. Это, если их можно так назвать, «космические» коннотации, когда *глаза* ассоциируются со звездами, луной и солнцем:

Стыдливостью ресниц

Затменные – солнца в венце стрел (Георгий);

Вас притягивали луны

Двух огромных глаз (Мальчикам, бегущим резво...);

Были слезы больше глаз

Человеческих и звёзд

Атлантических... (Правда).

Искала я над лбом своим просторным

Звезд только, а не глаз (И не спасут ни стансы, ни созвездья...).

В последних двух примерах коннотация «глаза – звезды» воплощена в рамках синонимических рядов (пропозиции соединения и сопоставления), объединяющих соответствующие лексемы как явления одного порядка.

Вода (море) – пустыня

Необходимо отметить еще один ряд ассоциаций.

В нескольких примерах поэт сравнивает *глаза* с высыхающим пространством, иногда прямо называя его *пустыней*:

В глазные оазисы –

Песчаная сушь ... (Сахара);

Пустыни карие – твои глаза (Отрок).

Но более естественная ассоциация связывает *глаза* с водными пространствами и резервуарами:

Видится мне одно
Место: с него – два моря
Были видны по дно
Бездны...
Два моря сразу (Над вороным утесом...)

Милый спутник и враг мой милый!
Ты в глаза мне вбрызнул смех (Легкомыслие! – Милый грех...).

Как видно из примеров, *глаза* могут быть сухими или заполненным жидким веществом (*смехом*). Сама эта жидкость, как некая природная стихия или человеческое чувство, характеризуется присущими жидкости свойствами, а поэтому в описании используются пропозиции водного движения, например, *вбрызнуть*.

Здесь нужно отметить, что у поэта, за исключением одного примера:

Уст и глаз
Блюди священные сосуды! (Сок лотоса), –

глаза не ассоциируется с сосудом и вообще с емкостью небольшого объема. Эта особенность связана, видимо, с личностью М. Цветаевой, с всеохватностью поглощающих её чувств, требующих образов большого масштаба.

Сон

Глаза – без всякого тепла:
То зелень старого стекла,
Сто лет глядящегося в сад...
Стекла, дремучего, как сон (Дом).

«Вещные» коннотации

В образном поле «стихийных» коннотаций проявили себя и так называемые «вещные» коннотации, когда *глаза* представлены в поэтической

картине мира как предметы («вещи») или физические объекты большего или меньшего объема:

- в «поле огня» *глаза* – это факел / кострище / костер / жерло (вулкана) / черные пустоты;
- в «космическом поле» *глаза* – это звезды, луны, солнца;
- в «водном поле» *глаза* – это сосуды.

Сочетаемость ключевого слова с глагольной лексикой показывает, что выделенной является и группа – *глаза* как некий инструмент. В таком случае он становится частью метафорической пропозиции физического действия, которая замещает собой пропозицию зрительного восприятия:

...глазами волчьими

Ты нацелился мне в лицо (Спят трещотки...);

Глаза, не ведающие век,

Исследующие: свет (Земные приметы);

Напрасно глазом – как гвоздем,

Пронизываю чернозем...

Напрасно в ока оборот

Обшариваю небосвод (Надгробие).

Так, в ассоциативном мышлении поэта *глаза* представляются как инструмент, которым можно *исследовать, нацеливаться, пронизывать, обшаривать*. Заметим, что эту же активную метафору развивают глаголы *колоть, резать, пронзать, пилить, мерить, буравить, стрелять*: в русском языке они также сочетаются с лексемами *глаза* и *взгляд*.

Кроме только что указанной коннотации, в группе вещных выделяется еще одна, о которой заставляет говорить словосочетание *распахнуть глаза*.

Глагол *распахнуть* можно было бы принять за один из синонимов глагола *открыть*, а значит, за пропозицию, обозначающую движение *глаз* в

их прямом значении – «орган зрения». С этой позиции ни о каком образе рассуждать не приходится.

Однако у М. Цветаевой мы встречаемся с этим же словосочетанием *распахнуть глаза* – в непривычном контексте:

*Тщета! – Не выверить
По амфибрахиям!
В груди пошире лишь
Глаза распахивай... (В пустынной храмине...)*

Оказывается, что у Цветаевой – это как раз очень конкретная коннотация, воплотившаяся не только в сочетаемости с предикатами, но и через прямое отождествление:

*Глаза – без всякого тепла:
То зелень старого стекла,
Сто лет глядящегося в сад...
Стекла, дремучего, как сон,
Окна, единственный закон
Которого: гостей не ждать,
Прохожего не отражать (Дом).*

То, что в сознании поэта это вполне устойчивая, утвердившаяся коннотация, подтверждает и следующая строка, где срабатывает уже не ассоциация «глаза – окно», а обратная ей – «окно – это глаза»:

*А единая была – одна!
Как луна – одна, в глазу окна (Новый год я встретила одна...)*

В результате, с одной стороны, можно предполагать, что сочетание *распахнуть глаза* является синонимичным сочетанию *открыть глаза* и прямо описывает мимическое движение органа зрения. С другой стороны, в поэтическом тексте *распахнуть глаза* воспринимается как метафора, образовавшаяся вследствие образной ассоциации «глаза – это окно».

Показательно, что ни в одном из приведенных выше примеров нет ни одной лексемы, которая обозначала бы чувство или эмоцию человека, однако, контекст самих стихотворений говорит о том, что они посвящены любви и личностным взаимоотношениям героев.

КОННОТАЦИИ-МЕТОНИМИИ

В процессе анализа текстов М. Цветаевой в отдельную группу выделились так называемые субъектные коннотации, связанные с **человеком**. Все они основаны на переносе по смежности, когда *глаза* могут отождествляться с конкретным субъектом либо множеством людей в зависимости от контекста; ср.:

*Ах, если бы и мне <...>
И улыбаться всем глазам,
Не опуская глаз (Только девочка).*

*Ах, горят парижские бульвары!
(Понимаешь – миллионы глаз!).... (Але).*

*Всех стран глаза, со всей земли –
Глаза...
Но я боюсь, что все ж не будут спать
Глаза в гробу – мертвецким сном законным...
(Нет, легче жизнь отдать...).*

Часто поэт уточняет статус, состояние субъекта, и тогда становится понятно, что таким образом М. Цветаева обозначает женщину-крестьянку либо, например, ушедшего / умершего человека; ср.:

*Что видели – не выдадут
Крестьянские глаза (Глаза);*

Я думаю еще <...>

О всех глазах, которые в могиле.

О них и нас (Байрону).

Метонимия открывает ряд субъектных коннотаций, когда под *глазами* подразумевается сама лирическая героиня:

Вы можете из-за других –

Моих не видеть глаз (Идите же!...).

Был он всадником завидным,

Милым гостем, царским сыном, –

Да глаза мои увидел –

И войска свои покинул (Нет, с тобой, дружочек чудный...).

Таким образом, *глаза* приобретают очень высокий статус в поэтической картине мира – знаковый статус самого человека.

Что касается языковых форм, обеспечивающих выявленные коннотации, как типичные определены следующие:

- событийные пропозиции действия в глагольных формах активно представляют три группы: «огненные» и «вещные» образы, а также «человеческий» образ *глаз*; ср.: *гореть, пылать, дымиться, гаснуть, остужать; колоть, пронзать, исследовать, обшаривать; (не) выдадут и спят*; видно, что практически во всех случаях *глаза* исполняют активные актантные роли субъекта (*глаза не выдадут*), инструмента (*глаза пронзают*) либо объекта, подвергающегося разрушению (*глаза горят*);
- логические пропозиции сравнения и отождествления работают практически на всем обширном метафорическом поле как два последовательных этапа осмысления и присвоения образа – 1) сначала соединение двух объектов на общем основании (сравнение) – а затем 2) их идентификация; ср.: *глаза как лед, как пламя, как два костра, как*

гвоздь; и глаза – два обугленных красных круга / пустыни / зелень стекла / красный всполох;

- актантные роли *глаз* включают четыре основные роли: субъект (*глаза жаждущие*), объект (*глаза распахивай*), локатив (*туманы в глазах*), посессор (*сосуды глаз*) и инструмент (*глазами волчьими нацелился*).

2.1.2. ГЛАЗА как манифестант жизни человека: содержание взгляда и характеристики *глаз*

Выше уже говорилось о том, что *глаза* в языковой картине мира оказываются выразителем (или манифестантом) неограниченного числа событий и фактов эмоциональной, интеллектуальной, физической, даже социальной жизни человека (см. разд. 1.2). Все это возможно благодаря развитию метонимического образа *глаз* как «заместителя» личности в целом.

Как следствие – *глазам* приписываются самые разные содержательные **характеристики и качества человека**. Данное наблюдение подтверждают и тексты М. Цветаевой:

Всегда платили б за постой

Все эти же – веселые –

Зеленые глаза (Глаза);

Спят под монашеским платком

Смиренные – степенные – крестьянские глаза (Глаза).

Я думаю <...>

И обо всех – в аллеях и в гостиных –

Вас жаждущих глазах (Байрону).

Такое метонимическое перенесение, когда состояния и характеристики человека с него самого переносятся на выражающий их элемент – *глаза*,

вполне привычно и для общеязыковой стихии, распространяясь на всю группу слов, обозначающих зрительное восприятие; например: *виноватый / смятенный / злой / блуждающий / равнодушный взгляд (глаза)*.

Языковое перенесение свойств характера или состояния человека на его *глаза*, проходит как бы в три этапа: *равнодушный человек – равнодушие в глазах – равнодушные глаза*.

У М. Цветаевой, как видно, наличествует только завершающая стадия этого процесса, когда *глаза* – манифестант различных человеческих качеств. Кроме уже приведенных, в её стихах можно встретить словосочетания типа: *равнодушие / упорство / дерзость глаз; равнодушные / вещице / строгие глаза*.

Все выделенные выше эмоциональные состояния и оценки оформляются квалификативами, то есть прилагательными и причастиями, согласующимися с ключевым словом по схеме «состояние / эмоция в форме квалификатива + *глаза* = *строгие глаза*».

Однако с помощью подобных метонимий описываются не только эмоции и состояния человека. Они характеризуют через *глаза* человека с сопутствующими ему обстоятельствами. Таким образом, *глаза* уже не только «заместитель» человек с его эмоциями, а **концентрат целой ситуации**. Это метонимия с усложненным смыслом:

Глазами не знать желающими,

Усмешкою правду кроющими,

Соседскими, справа – кочными... (Что, Муза моя?...).

В данном случае поэт пользуется формой квалификатива, который употребляется не только в обычной для него – эмоциональной, но и в новой – ситуативной функции; ср.: *желающие, кроющие глаза* и *соседские, кочные глаза*. Изменяя содержательный момент переноса и подчеркивая этим качественно новые его возможности, Цветаева как будто дает читателю время почувствовать и принять обнаруженные ею новые, выразительные возможности *глаз*.

Новаторство прослеживается и в дальнейшем, и для нового содержания придумывается новая форма. Внешние обстоятельства, в которых оказывается конкретный субъект, описаны в стихотворных текстах как физические тела, «помещенные в глаза-локатив как в некое вместилище»:

*В глазах, упорствующих в пол,
Застенчивость хороших семей (Сок лотоса);*

*Горячие туманы Сити, –
В глазах твоих (Любви старинные туманы);*

*В прозорливых тьмах –
Глиняные осколки царств и дорожный прах
Битв... (Сивилла).*

*Пустыни карие – твои глаза –
...Орлы и гады в них, и лунный год, –
Весь грустноглазый твой, чужой народ.
Пески и зори в них, и плащ вождя... (Отрок).*

Наконец, в ряде случаев *глаза* могут становиться **знаком** определенной **ситуации**. Имеется в виду то, что в действительности мимические движения глаз передают ту или иную ситуацию, которая не называется поэтом прямо, но подразумевается и узнается, поскольку типична по своим проявлениям – по поведению и состоянию глаз; ср.:

*Глядеть в глаза – это любовь, не глядеть в глаза – раздор:
Вчера еще в глаза глядел,
А нынче – все косится в сторону! (Вчера еще в глаза глядел...).*

Темнеют глаза – это бессонная ночь с любимым:

Это ночь зажгла

Этот светлейший лик, – и от темной ночи

Только одно темнеет у нас – глаза (После бессонной ночи...).

Опущенные глаза – это смирение:

Долу глаза! Молись! Берегись! (Гибель от женщины...).

Слезы на глазах – это гнев и скорбь:

О слезы на глазах!

Плач гнева и любви! (О слезы на глазах!...)

Ослепшие глаза – это горе, а может быть, смерть:

В черном небе слова начертаны –

И ослепли глаза прекрасные (В черном небе слова начертаны...).

При этом видно, что окраска большинства событий у Цветаевой драматична, а иногда трагична, передаваемая через сочетаемость ключевого слова с глаголами (*глядеть, темнеть, коситься, ослепнуть*), существительными (*плач, слезы*), наречиями (*долу*).

То же касается содержания и характеристик *глаз*. Из всех приведенных иллюстраций только одна содержит однозначно положительную оценку – *веселые глаза* – другие, как правило, передают чувства скованности (*застенчивость, смиренные, степенные глаза*), либо возбуждения (*жаждущие, желающие*), либо события агрессии (*Глиняные осколки царств и дорожный прах Битв*) во всяком случае уводящие и поэта и читателя в сторону эмоционального напряжения.

2.2. Система коннотаций слова *ГЛАЗА* в картине мира китайских поэтов Ай Цина и Чжу Цзыцина

2.2.1. Ключевые образы *ГЛАЗ*

В наивной языковой картине мира за *глазами* закреплена характеристика важнейшей части человеческого тела. Российские лингвисты не раз обращали внимание на то, что этот соматизм (*глаза*) используется в русскоязычных текстах при описании внутренней жизни человека, его мыслей, состояний и чувств; см. в частности [Осетрова 2012: 94–97].

Предположим, что и во многих других языках *глаза* являются выделенным объектом национальной картины мира.

Исходя из этого, и поставлена конкретная задача на данном этапе исследования – выявить образы *глаз* в китайской поэзии второй половины XX века. В качестве материала использованы стихотворения двух поэтов – Чжу Цзыцина (1898–1948), Ай Цина (1910–1996), – русские подстрочные переводы которых сделаны автором данной диссертации (см. Приложение 2).

Семантический анализ показал, что все примеры Чжу Цзыцина и Ай Цина, как и у М. Цветаевой, формируют две линии образов на основании используемого языкового средства – метафора (перенос по сходству) и метонимия (перенос по смежности).

КОННОТАЦИИ-МЕТАФОРЫ

Основными метафорическими коннотациями *глаз* являются стихии и атрибуты огня, света, неба, воды, пустыни, сна и нек. др.; приведем примеры.

Огонь

Ненависть горит в груди –

Из глаз сыплются искры.

(Ай Цин)

仇恨在胸中燃烧，

眼睛里冒出火星

Свет

Есть люди, ненавидящие свет,

Потому что лучи света,

Жгут их корыстные глаза.

(Ай Цин)

有人对光满怀仇恨，

因为光所发出的针芒，

刺痛了他们自私的眼睛

В этих примерах используется лексема, которая обозначает одно из самых сильных чувств человека – *ненависть*, а контекст самих стихотворений говорит о том, что они посвящены личностным взаимоотношениям героев.

Небо и Космос

Еще одно направление метафорического осмысления *глаз* обращает читателя к «верхнему миру» – миру небесному. В проанализированных текстах «небесная» метафора конкретизируется в образах синего неба и лунного света:

Были такие глаза,

Большие и голубые,

Чистые как синее небо,

Спокойные как лунный свет.

(Ай Цин)

有那么一双眼睛，

又大又澄碧，

蓝天一样纯洁，

月光一样宁静

Вода – Пустыня

Другой образ *глаз* как бы перемещает поэтическое восприятие сверху вниз, устанавливая их связь со стихией воды. Точнее, *глаза* – это некоеместилище *воды, влаги, слез* – или *улыбки*, в зависимости от того, какие чувства испытывает лирический герой; ср.:

Слёзы из ваших сморщенных глаз,
Вытекают как водопад;
Это и есть потоки [воды].

(Чжу Цзыцин)

清泪从伊干瘪的眼眶里，
像瀑布般流泻；

那便是一条条的川流了。

Почему мои глаза полны слез?
Потому что эта земля мне так дорога.

(Ай Цин)

为什么我的眼里常含泪水？
因为我对这土地爱得深沉…

Улыбка брызжет из заплаканных глаз,
Сердце благодарит.

(Ай Цин)

泪眼迸出微笑，
心儿感激着

Сейчас те же [глаза] высохли,
Сухие, как под палящим солнцем пустыня
(Чжу Цзыцин)

也干涸了，
干到像烈日下的沙漠。

В следующем примере содержимое *глаз-сосуда* – противоречивое отношение автора к Европе, более того, сама Европа:

Это в уголках глаз
переполненная жадностью,
Подлая разбойничья Европа!
Но я сильно люблю тебя, эй, Европа.
(Ай Цин)

那在眼角里充溢着贪婪，
卑污的盗贼的欧罗巴！
但是，我耽爱着你的欧罗巴啊

Сон

Глаза любви.

爱情的眼睛

Как сон, размытые.

梦似的飘忽不定

(Ай Цин)

Особенностью «водных», «небесных» и «сонных» метафор *глаз* в китайских поэтических текстах, как и в текстах М. Цветаевой, будет усиление и конкретизация данного образа через использование приема сравнения: *глаза как синее небо, как лунный свет, как сон*, а еще *как колодец, как волны, как река* – текущая, а затем высохшая, *как пустыня*; дополним последний пример следующими:

Были такие глаза,

有那么一双眼睛,

Так глубоки, как колодец.

深得像一口古井

(Ай Цин)

Твои кисти как факелы,

你的手像火把，

Твои глаза как волны,

你的眼像波涛，

Твои слова как камни,

你的言语如石头，

Как могу я [это] забыть?

怎能使我忘记呢？

(Чжу Цзыцин)

Те живые, как река, – текущие глаза,

那活活像小河般流着的双眼，

Имели столько скрытых смыслов,

含蓄过多少意思，

Хранили столько слов.

蕴藏过多少话句的，

Сейчас те же [глаза] высохли,

也干涸了，

Сухие, как под палящим солнцем пустыня

干到像烈日下的沙漠。

(Чжу Цзыцин)

«Вещные» коннотации

В образном поле «стихийных» коннотаций проявили себя и так называемые «вещные» коннотации. Однако состав этих коннотаций связан по преимуществу только с «водным полем», в котором *глаза* принимают образы больших или меньших водных «резервуаров» или перемещающихся объемов:

- в «водном поле» *глаза* – это *колодец, волны, водопад, река*; ср. с контрастным образом *глаз-пустыни*.

КОННОТАЦИИ-МЕТОНИМИИ

Когда метафора переходит в **метонимию**, *глаза* отождествляются с самим **человеком**, конкретным субъектом либо множеством людей в зависимости от контекста; ср.:

*Те взгляды с четырёх сторон,
Изумлённо взглянули на него.*
(Чжу Цзыцин)

东西南北那眼光 ,
惊惊诧诧地 (目炎) 他。

*Грусть исчезала с лиц людей,
Улыбаются их глаза,
Смотрят на поле, освещенное солнцем.*
(Ай Цин)

忧愁从人们脸上消失,
含笑的眼睛,
看着被阳光照射的田野

*Смеющиеся голубые глаза,
Отражают мою юмористическую душу.*
(Ай Цин)

幽默的蓝眼,
在惴想我幽默的心怀

Что касается языковых форм, обеспечивающих все выявленные коннотации, как типичные определены следующие:

- событийные пропозиции действия в глагольных формах представляют, как правило, две группы: «огненные» и «водные – пустынные» образы; ср.: *искры сыплются из глаз; лучи света жгут глаза; и улыбка брызжет / слезы выбегают из глаз; размытые / текущие глаза; глаза высохли, сморщились*. При этом видно, что за исключением одного примера (*текущие глаза*) активные роли *глаз* не используются – чаще *глаза* здесь объект воздействия (*жечь глаза*) или локатив (*из глаз*). «Человеческий» образ *глаз* притягивает к себе пропозиции физиологических действий и требует постановки ключевого слова в именительный падеж: *глаза улыбаются, смеются; взгляд взглянул*.
- логическая пропозиция сравнения работает практически на всем обширном метафорическом поле очень интенсивно; ср.: *глаза как колодец, как волны, как река; глаза, чистые как синее небо; глаза спокойные как лунный свет; глаза любви, как сон*. Как видно, сравнение расширяется за счет введения квалификатива, который выражает содержание *глаз* (*спокойные как лунный свет*). Для текстов М. Цветаевой такие конструкции не характерны;
- актантные роли *глаз*, как уже было отмечено выше, включают две основные роли: объект (*глаза высохли*) и локатив (*искры из глаз*).

2.2.2. ГЛАЗА как манифестант жизни человека: содержание взгляда и характеристики *глаз*

В китайской поэзии *глаза* регулярно оказываются носителями конкретных эмоциональных **характеристик и качеств человека**. На этот факт мы уже обращали внимание, когда описывали употребление пропозиции сравнения; приведем типичные примеры.

*Твои глаза искренни и просты,
А значит, у тебя искреннее
и простое сердце.*

(Ай Цин)

*На севере,
Нищий с упрямыми глазами,
Уставился на тебя,
Смотрит как ты ешь.*

(Ай Цин)

*Я медлительными глазами
Вслушиваюсь в твой лёгкий
дрожащий голос.*

*[Он] передает мне
Историю бога и человека,
Историю солнца.*

(Ай Цин)

你的眼睛是纯朴的,
你有一颗纯朴的心

在北方,
乞丐用固执的眼,
凝视着你,
看你在吃任何食物

我以迟缓的眼波,
聆听你微颤的金声,
给我传述:
神和人的故事,
太阳的故事

*Пыль и пот покрывают слоями лицо,
Вдохновенный и голодный взгляд;
Смеющиеся щеки,
Говорящий рот,
Сдержанные руки.
Всё это имеет форму странной кривой
без начала и конца,
Демонстрируя след усилия.
(Чжу Цзыцин)*

灰与汗涂着张张黄面孔，
炯炯的有饥饿的眼光；
笑的两颊，
叫的口，
检点的手，
更都有着异样的展开的曲线，
显出努力的痕迹；

*Капля воды часто заставляет меня
удивленными глазами долго смотреть
на неё.*

一滴水常使我用惊叹的眼凝视
半天，

*Перед моим лицом
вдруг появляется бескрайняя река.
(Ай Цин)*

我的前面突然会涌现浩淼的大
江

*То, что испытывает пытки,
Это и есть ожидающие глаза.
(Ай Цин)*

忍受着熬煎的，
是望穿秋水的眼睛

Все выделенные выше и ниже эмоциональные состояния и оценки выражаются квалификативами (то есть прилагательными и причастиями), или существительными – именами чувств. *Глаза* в соединении с ними начинают прямо выражать эмоции своего «хозяина» по модели: человек лживый → глаза лживые; человек влюбленный → глаза любви и т.п. В

результате, качества личности в целом как будто переносятся на отдельный физиологический орган – *глаза*; см. пример:

<i>Глаза <u>лживые</u>,</i>	说谎的眼睛,
<i>Глаза <u>жадные</u>,</i>	渴望的眼睛,
<i>Глаза <u>жалобные</u>,</i>	哀求的眼睛,
<i>Глаза <u>великодушные</u>.</i>	宽恕的眼睛,
<i>Глаза <u>любви</u>...</i>	爱情的眼睛
<i>Иногда <u>рассказывают о горячей любви</u>,</i>	梦似的飘忽不定
<i>Иногда смешаны с ненавистью.</i>	有时诉说表情
(Ай Цин)	有时夹着怨恨

В ряде случаев, как видно из последнего примера, даже речевое действие приписывается не человеку, а именно глазам: *рассказывают о ... любви*.

Как следствие этого метонимического переноса развивается следующая метафора: *глаза* – это *окно и зеркало души*, которая имеет развитую традицию во многих национальных языковых картинах мира (см. разд. 1.2). В результате появляются два ярких образа (ср. с русским *бездна, глубина глаз*):

<i><u>Окно души</u>,</i>	灵魂的窗子
<i><u>Замочная скважина тайны</u>,</i>	秘密的锁孔
<i>В которую</i>	从它那儿
<i>Можно увидеть сердце.</i>	可以窥探内心
(Ай Цин)	

Развивая эту коммуникативную функцию *глаз*, китайские поэты активно вводят в стихотворения позицию субъекта восприятия, который пытается «читать по глазам», понять их содержание:

<i>В той безбрежной темноте сверкает</i>	那泱泱的黑暗中照耀着的
<i>Одинокий жёлтый свет лампы,</i>	一颗黄黄的灯光呵，
<i>Я буду через твой свет,</i>	我将由你的照耀里，
<i>Задерживать взгляд</i>	凝视她明媚的 <u>双眼</u> 。
<i>на её прекрасных глазах.</i>	
(Чжу Цзыцин)	

<i>Были такие <u>глаза</u>.</i>	有那么一双 <u>眼睛</u>
<i>Большие и голубые...</i>	又大又澄碧...
<i>Ты не смеешь <u>смотреть в них</u>,</i>	你没有勇气看它
<i>Потому что ты <u>боишься</u></i>	因为你不敢承担
<i>Доверия, которое есть <u>в них</u> к тебе.</i>	它对你的信任
(Ай Цин)	

Итак, следует прийти к выводу, что обнаруженные выше метафоры и метонимии – не только удачно найденный стилистический прием, цель которого – украсить поэтический текст, привлечь внимание читателя яркой образностью.

Главная семантическая функция *глаз* – выражение эмоциональных и интеллектуальных состояний человека, героя лирического произведения. Это главнейшая функция *глаз* – быть *зеркалом души*, – как оказалось, не только в русской, но и в китайской картине мира:

Ты говоришь, что глаза – это окно души.

你说眼睛是灵魂的窗子

Я говорю, что глаза – это зеркало души.

我说眼睛是灵魂的镜子

(Ай Цин)

При этом, однако, классическое представление русской языковой картины мира, в которой *глаза* осмысливаются как выразитель подлинного состояния человека, подвергаются трансформации в китайской поэтической картине мира. И тогда знакомый русский образ становится двойственным: глаза это не только «истинная душа» (*окно*), но иногда и ее «плоское, неточное отражение» (*зеркало*).

Наконец, в ряде случаев *глаза* описаны как **символ** определенной **ситуации**, в данном случае это ситуации смертельного испуга (*Глаза застилают яркие слезы*), смертного умиротворения (*Сейчас покроются радостными слезами глаза*), сострадания (*Мои глаза полны слез*); ср.:

Волки потихоньку спускаются с гор,

狼们悄悄从山上下来，

Ягнёнок просыпается от страха:

羊儿梦中惊醒：

Дрожит всем телом;

瑟瑟地浑身乱颤；

Ноги [его] становятся ватными,

腿软了，不能立起，

Не может стоять, только стоит на коленях;

只得跪着了；

Глаза застилают яркие слезы;

眼里含着满眶亮晶晶的泪；

Из рта неумолчно исходят вопли.

口中不住地咩咩哀鸣。

(Чжу Цзыцин)

*Сейчас покроются радостными слезами
глаза.*

Перед тем как навечно закрыть их

– Он не может вспомнить ничего.

(Ай Цин)

那此刻是蒙上喜悦的泪水的眼睛，

永远关闭了之前的

一瞬间，他不能想起什么

Почему мои глаза полны слез?

Потому что эта земля мне так дорога.

(Ай Цин)

为什么我的眼里常含泪水？

因为我对这土地爱得深沉

Если оценивать содержание и характеристики *глаз*, приписываемые им в китайской поэтической картине мира, следует сказать об их очень широком диапазоне.

Все характеристики и эмоциональные состояния, выражаемые *глазами*, можно лишь условно разделить на две группы – 1) статичные, устойчивые характеристики человека и 2) кратковременные состояния и эмоции.

Однако в отношении ведущего настроения, в отличие от текстов М. Цветаевой, здесь не выявлено никакого приоритета: манифестируются (выражаются) самые разные состояния и эмоции; ср. хотя бы квалификативы:

*1) великодушные, искренние, простые – упрямые, лживые, жадные
глаза*

*2) жалобные, медлительные, удивленные, вдохновенные, ожидающие,
голодные глаза; глаза любви.*

2.3. Выводы

1.

Сопоставляя системы коннотаций слова *глаза* в русской поэтической картине мира М. Цветаевой и в китайской поэтической картине мира Ай

Цина и Чжу Цзыцина, мы приходим к выводу, что обе эти системы соотносятся с тремя средами реального мира: 1) природной, 2) человеческой и 3) вещной на основе механизмов метафоры и метонимии.

Более конкретно, образное переосмысление *глаз* основано на их сопоставлении с несколькими стихиями и мирами и практически полностью совпадает в русских и китайских текстах:

- стихии **огня** и **света**, где *глаза* – воспринимают свет либо сами являются источником огня и света, – тогда они исполняют роль объекта. При этом контрастом этих стихий в картине мира М. Цветаевой становятся **лед** и **тьма**;
- стихия **воды**, где *глаза* – вместилище жидкости-чувства или жидкости-признака (*сосуд, колодец*), а иногда и сама водная стихия (*море; волна, река, водопад*) – и тогда они исполняют роль локатива или объекта сравнения. В китайской поэтической картине мира «водные» образы *глаз* более развиты, чем в картине М. Цветаевой, зато как их контраст в обеих картинах мира выведена **пустыня** (*глаз*);
- «**небесная**» и «**космическая**» стихии, где *глаза* сравниваются то с небом, то с космическими телами – луной, солнцем и звездами;
- стихия **сна**;
- «**вещный**» мир, в котором *глаза* часто исполняют роль инструмента или орудия, ярко представлен у М. Цветаевой – в китайской поэзии доминируют более реалистичные ассоциации *глаз* с водными резервуарами;
- **мир человека**, в котором *глаза* фактически замещают его самого на основании отношений идентификации или тождества: *глаза* – это и есть человек, то же самое, что человек; а значит, человек – это прежде всего его *глаза*.

Понятно, что стихии природы и мир человека – два противоположных пространства. Однако, понятно и то, что в китайской и русской поэтической

картинах мира они объединены одним содержанием – эмоциями и чувствами, и одним ключевым элементом – *глазами*.

2.

Принципиально важен и тот вывод, что *глаза* в обеих поэтических картинах мира оказываются **манифестантами (выразителями)** широкого ряда **событий и фактов** прежде всего эмоциональной природы, а кроме того – интеллектуальной, физической, даже социальной жизни человека.

Как следствие – *глазам* приписываются самые разные содержательные характеристики и качества человека (*равнодушные / веющие / строгие / желающие глаза*). Иногда же *глаза* вообще становятся глобальным содержательным «концентратом-вместилищем» целой ситуации и положения дел (*в уголках глаз переполненная жадностью, Подлая разбойничья Европа!*).

3.

Все эти совпадения вполне объяснимы. Если сознанием человека управляют общие законы, то и системы коннотаций в разных языках, и системы ассоциаций в сознании должны, во многом совпадать.

Поэт тонко чувствует процессы, которые происходят на грани сознания и языка. Поэтому коннотации слова *глаза* в поэтической речи воплощены в разнообразных формах: сочетаемость с глаголами, существительными и прилагательными становится основой для развития ярких метафор и метонимий.

Причем конкретизация и осмысление ассоциаций идет, как правило, в несколько стадий и постепенно, образуя своеобразную цепочку языковых приемов, каждому из которых соответствует определенный этап осмысления ассоциации.

Нельзя не отметить, что, несмотря на общность коннотаций в целом, поэтические картины мира имеют свою специфику. Она зависит, с нашей точки зрения, не только от национального колорита, но и от индивидуальности поэтической картины мира каждого автора.

Глава 3

МЕТОДИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИНАХ

3.1. Методические комментарии к упражнениям

Современная методика обучения студентов университетов по программам языковедческой направленности характеризуется слиянием развития языковых и речевых компетенций. Текст в целом (и его отдельные фрагменты) в единстве формы и содержания служит для этого качественным материалом.

При освоении различных лингвистических дисциплин предусмотрены задания, в которых обучающиеся должны проанализировать текст с разных позиций: языковой, коммуникативной и содержательной. В ряду этих дисциплин стоит и курс «Основы семантики», входящий в магистерскую программу «Русский язык и литература в поликультурной среде», которая реализуется в КГПУ им. В.П. Астафьева.

Упражнения, разработанные и представленные в данном диссертационном исследовании, ориентированы в том числе на эту дисциплину и другие дисциплины, имеющие дело с семантикой языка и текста.

В преподавании лингвистических дисциплин, в том числе в университетах, одной из важных методических идей является следующая: важно не только сформировать у студента детальное представление о формальном устройстве языка, начиная от фонетического и заканчивая синтаксическим уровнем – не менее важно объяснить то, что стоит за этими формами, то есть языковое содержание, семантику языка. Именно языковая семантика интересует сейчас многие современные отрасли языкознания: лингвокультурологию, теорию языковой картины мира, лексикологию и др.

С методических позиций освоение и понимание содержательного устройства языка помогает учащемуся успешнее ориентироваться в современном коммуникативном пространстве: добывать и эффективно анализировать информацию; плодотворно работать с текстом как с источником различного рода информации; правильно использовать источники и на их основе строить собственный текст.

Все сказанное выше обуславливает актуальность разработки предлагаемого комплекса упражнений, имеющего семантическую и текстоцентрическую направленность.

Материалом упражнений стали поэтические тексты М. Цветаевой (1892–1941). Обращение к этому материалу обусловлено тем, что писатель и поэт обладают особым обостренным профессиональным чувством, улавливая в языке и воплощая в своих текстах то, что рядовой носитель языка, как правило, не замечает. Таким образом, поэтические тексты являются ценнейшей базой для понимания и освоения национальной языковой картины мира.

Основная цель комплекса упражнений – углубление знаний о содержательном устройстве текста и русского языка – на материале поэтических текстов с ключевым словом *глаза*.

В связи с этим определяются конкретные методические задачи:

1. Развить навыки лингвистического анализа художественного текста.
2. Закрепить и углубить знания о семантическом устройстве текста и высказывания на основании понятий «пропозиция» и «актант»;
3. Закрепить знания о падежной системе русского языка (формальные падежи);
4. Сформировать умение определять семантические падежи (актанты), используя знания о сочетаемости слов и их значении;
5. Развить умение конструирования высказывания по заданным параметрам;

6. Расширить знания об образах чувств и ключевом образе «Глаза как зеркало души» в русской языковой картине мира.

Упражнения ориентированы на студентов-магистрантов университетов, обучающихся по программам языковедческой направленности, в частности, на занятия по дисциплине «Основы семантики» магистерской программы «Русский язык и литература в поликультурной среде» (КГПУ им. В.П. Астафьева).

Структура упражнений включает три блока:

- а) «базовый», в рамках которого актуализируются теоретические знания по морфологии и семантике (№№ 1–2);
- б) «развивающий», в рамках которого отрабатываются навыки семантического анализа текста (№№ 3–10);
- в) «конструктивный», в рамках которого проявляются умения построения высказывания (№№ 9–11).

В круглых скобках даны названия стихотворений, послуживших источниками примеров.

3.2. Упражнения

1. Дайте краткие определения понятиям «пропозиция» и «актант». Выделите пропозиции и актанты в каждом из следующих примеров:

- (1) Ах, запрокинута твоя голова, Полузакрыты глаза (Гибель от женщины...).
- (2) Идешь, на меня похожий, Глаза устремляя вниз (Прохожий).
- (3) Не от свеч, от ламп темнота зажглась: От бессонных глаз! (Вот опять окно...)
- (4) Взглянув на звезды знать, что там И мне звезда зажглась, И улыбаться всем глазам, Не опуская глаз! (Только девочка)

(5) Застынет все, что пело и боролось, Сияло и рвалось. И зелень глаз моих, и нежный голос, И золото волос (Уж сколько их упало в эту бездну...).

2. Определите, в каком падеже стоит лексема *глаза* в следующих примерах.

(1) Они приходят к нам, когда У нас в глазах не видно боли (Кошки)

(2) У фонтана присядем молча мы, Здесь, на каменное крыльцо,
Где впервые глазами волчьими, Ты нацелился мне в лицо (Спят трещотки и псы соседовы...)

(3) ... Что делаете со мной, Вы, насмешка в глазах, и в голосе –
Холодок родной (Голоса с их игрой сулящей...)

(4) ...Глазами казенных, Глазами сирот и вдов – Засады казенных,
Немыслящихся домов (Отрывок)

(5) О, если бы ты был без глаз, без рук, Чтоб мне не помнить их, не
помнить их, не помнить! (Так из дому, гонимая тоской...)

(6) Боль, знакомая, как глазам – ладонь, Как губам – Имя собственного
ребенка (Поскромнее, – куда как громко...)

(7) Везде, везде всё пары, пары, Дрожанье губ и дерзость глаз (В Париже)

(8) То в проваленной памяти – Зори ее: глаза его! (Листья ли с древа
рушатся...)

(9) Глаза над улыбкой шалой, Что ночь без звезд! (И Кто-то, упав на
карту...)

(10) Мне синь небес и глаз любимых синь, Слепят глаза. – Поэт, не будь в
обиде, Что времени мне нету на латынь! (Как жгучая, отточенная лесь...)

3. Определите, какую из актантных ролей (субъект, объект, объект идентификации, объект характеристики, инструмент, локатив, атрибут) представляет лексема *глаза* в каком из следующих примеров.

- (1) Ты в глаза мне вбрызнул смех, и мазурку мне вбрызнул в жилы
(Легкомыслие! – Милый грех...)
- (2) Горячие туманы Сити – В глазах твоих (Любви старинные туманы)
- (3) А глаза, глаза на лице твоём – Два обугленных прошлолетних круга!
(Т.В.Чурилину)
- (4) А вот я перед солдатом Светлых глаз не опущу (Плохо сильным и богатым...)
- (5) Что если б знамя мне доверил полк, И вдруг бы ты предстал перед глазами (Пригвождена)
- (6) Его глаза — прекрасно-бесполезны! – Под крыльями раскинутых бровей – Две бездны (С.Э.)
- (7) Я Вас люблю всю жизнь и каждый час. Но мне не надо Ваших губ и глаз
(Я вас люблю всю жизнь...)
- (8) У фонтана присядем молча мы, Здесь, на каменное крыльцо, Где впервые глазами волчьими, Ты нацелился мне в лицо (Спят трещотки и псы соседовы...);
- (9) Так, под упорством глаз – Владением бесплотнейшим, Какая разлилась, Россия – в три полотнища! (Рассвет на рельсах)
- (10) Смотрят снова глазами незрячими, Мать Божья и Спаситель-Младенец
(Смотрят снова глазами незрячими...).

4. Прочитайте следующие предложения, обращая внимание на слова *взгляд*, *взор*. Что они обозначают фактически (предмет или процесс) – и какую роль выполняют в предложении реально? Чтобы ответить на эти вопросы, сравните данные примеры с примерами, приведенными в упражнении № 2, и воспользуйтесь данными толкового словаря.

- (1) Не колесо громовое – Взглядами перекинулись двое (Не колесо громовое...)
- (2) О золотые времена, Где взор смелей и сердце чище! (Книги в красном переплете)
- (3) Солнце – мое. Я его никому не отдам. Ни на час, ни на луч, ни на взгляд. – Никому. Никогда! (Солнце — одно, а шагает...)
- (4) Так, драгоценный и спокойный, Лежите, взглядом не даря (Сергею Эфрону)
- (5) Как будто на каждой головке коронка, От взоров, детей стерегущих, любя (В Люксембургском саду)
- (6) Жаль не слова, поверь, и не взора, – Только тайны утраченной жаль! (Мы с тобою лишь два отголоска...)
- (7) И глаза – кого-кого-то, Взглядом не дарят! (Все глаза под солнцем...)
- (8) Есть имена, как душистые цветы, И взгляды есть, как пляшущее пламя...(Есть имена, как душистые цветы...)
- (9) Так мчались Вы в снежный вихрь, Взор к взору и шубка к шубке (Подруга)
- (10) Иду домой, там грусть фиалок, И чей-то ласковый портрет. Там чей-то взор печально-братский (В Париже)

5. Составьте список пропозиций действия и пропозиций характеристики для лексем *глаза* и *зрачок*. Используйте для этого материалы данного упражнения:

- (1) Идешь на меня похожий, Глаза устремляя вниз (Идешь на меня похожий...)
- (2) Мы идем, оживленные, рядом, Все впивая: закат, фонари, голоса, И под чьим-нибудь пристальным взглядом, Иногда опуская глаза (Тверская)

- (3) И взглянул, как в первые раза, Не глядят. Чёрные глаза глотнули взгляд
(И взглянул, как в первые раза...)
- (4) Всё до капли поглотил зрачок. И стою. И течёт твоя душа в мою (И
взглянул, как в первые раза...)
- (5) На светло-золотистых дынях, Аквамарин и хризопраз, Сине-зеленых,
серо-синих, Всегда полузакрытых глаз (Сергею Эфрону)
- (6) Радость всех невинных глаз, – Всем на диво! (Радость всех невинных
глаз...)
- (7) Привычные к степям – глаза, Привычные к слезам – глаза... (Глаза)
- (8) Летите, куда глаза глядят, В Благовещенье, праздник мой! (В день
Благовещенья...).

6. Найдите в каждом примере лексемы, обозначающие характеристику *глаз*, то есть пропозицию характеристики. Какие части речи обозначают эти характеристики? Определите их падежи.

Что передают эти лексемы: физическое или внутреннее (психическое) состояние человека?

- (1) Наслаждайтесь весенними звонами, Милый рыцарь, влюбленный, как паж, И принцесса с глазами зелеными, – Этот миг, он короткий, но ваш!
(Лесное царство)
- (2) Темная ель в этой жизни видала так много, Слишком красивых, с большими глазами, детей (RICORDO DI TIVOLI)
- (3) Памятливыми глазами, Впилась – народ замер. Памятливыми губами, Впилась – в чей – рот (Димитрий! Марина! в мире...)
- (4) На ревнителей бога Марса Ты тихонько кривила рот. Ледяными глазами барса Ты глядела на этот сброд (Голубые, как небо, воды...)

7. Образные или нейтральные описания вы видите перед собой в следующих текстах? С какими предметами, явлениями, стихиями, живыми существами ассоциируются *глаза* у Марины Цветаевой? На основании чего можно сделать такие выводы?

(1) Уста, не требующие смет, Права, не следующие вслед, Глаза, не ведающие век, Исследующие: свет (Земные приметы)

(2) Настанет день – печальный, говорят! – Отцарствуют, отплачут, отгорят, – Остужены чужими пятаками – Мои глаза, подвижные, как пламя (Стихи о Москве)

(3) Его глаза – прекрасно-бесполезны! – Под крыльями раскинутых бровей – Две бездны (С.Э.)

(4) Вас притягивали луны, Двух огромных глаз. – Слишком розовой и юной, Я была для Вас! (Мальчиком, бегущим резво...)

(5) Не от свеч, от ламп темнота зажглась: От бессонных глаз! (Вот опять окно...)

(6) Нежно светлеют губы, и тень золоче Возле запавших глаз. Это ночь зажгла Этот светлейший лик (После бессонной ночи слабеет тело...)

(7) Я думаю о пальцах, очень длинных, В волнистых волосах, И обо всех – в аллеях и в гостиных – Вас жаждущих глазах (Байрону)

(8) Была бы бабою простой, Всегда б платили за постой, Всё эти же – веселые – Зеленые глаза (Глаза)

(9) Привычные к степям – глаза, Привычные к слезам – глаза, Зеленые – соленые – Крестьянские глаза! (Глаза)

8. Прочитайте стихотворение Марины Цветаевой «Два зарева! – нет, зеркала!...», в котором различные образы ключевого слова *глаза* проявляются очень ярко. Перечислите все образы, которые найдете и подтвердите это примерами из текста:

Два зарева! – нет, зеркала!
Нет, два недуга!
Два серафических жерла,
Два черных круга

Страх и укор, ах и аминь...
Взмах величавый...
Над каменностью простынь –
Две черных славы.

Обугленных – из льда зеркал,
С плит тротуарных,
Через тысячелетья зал
Дымят полярных.

Так знайте же, что реки – вспять,
Что камни – помнят!
Что уж опять они, опять
В лучах огромных

Ужасные! – Пламень и мрак!
Две черных ямы.
Бессонные мальчишки – так –
В больницах: – Мама!

Встают – два солнца, два жерла,
– Нет, два алмаза! –
Подземной бездны зеркала:
Два смертных глаза.

9. Составьте предложения, в которых *глаза* и *взгляд* будут выступать в ролях субъекта, объекта, инструмента, локатива, атрибута; всего должно получиться 10 предложений.

Например:

Его глаза говорили о многом (субъект);

Глаза матери излучали доброту и любовь (объект);

Ненависть затаилась в глазах Нюры (локатив).

10. Составьте тексты, в которых *глаза* ассоциировались бы: а) с источником огня; б) с источником света; в) сместилищем жидкости или водным пространством; г) с небольшим предметом, который подвергается различным воздействиям (примеры см. в упражнениях №№ 7 и 8).

11. Вам даны три списка слов.

а) Глаголы действия, движения и состояния, образно описывающие момент проявления события:

впиваться, искать, мерить, сверлить, буравить, вспыхнуть, прыгать, играть, блестеть, пронзать, гореть, мелькать, прятать/ся, уставить/ся, сиять, пожирать, тлеть, плескаться, стрелять, литься, темнеть, белеть, по/тухнуть, бегать, шарить.

б) Имена чувства, состояний:

зло, ненависть, любовь, печаль, беспокойство, радость, презрение, зависть, нежность, высокомерие, гнев, напряжение, сосредоточенность, смущение, удивление, негодование, счастье, лихорадка, мысль, грусть, интерес, неудовольствие, волнение, наслаждение, ужас, глупость, боль;

в) *Глаза* в актантных ролях:

субъекта – *глаза*, объекта – *по глазам, глаза (бросать)*, инструмента – *глазами*, локатива – *в глазах*, атрибута – *с глазами*.

Составьте предложения, описывающие чувства или состояния человека, используя слова из приведенного списка; например: *Её глаза вспыхнули ненавистью*. Следите за тем, чтобы имена событий и глаголы проявления согласовывались по смыслу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Кратко изложим основные результаты проделанного исследования в соответствии с поставленными во Введении задачами.

1.

Установлено, что в составе общей языковой картины мира выделяются индивидуальные авторские картины мира писателей и поэтов. Они обладают особым глубоким видением действительности, уточняя национальные языковые картины мира.

Важнейшими признаками русской языковой картины применительно к цели данного исследования являются а) ее **эмоциональность** – «ярко выраженный акцент на чувствах и на их свободном проявлении» [Вежбицкая 1997]; б) а также то, что, «**Уникальность человека**, отличающую его от животного мира, **русский язык видит** не столько в его интеллектуальных или душевных качествах, сколько в особенностях его строения и в функциях составляющих его частей, в частности **в строении тела**» [Шмелев 2002: 306].

Ведущим подходом к воссозданию языковой картины мира признана **фрагментарность**, когда для анализа выбирается тот или иной значимый фрагмент, который и становится объектом анализа.

Лексема *ГЛАЗА* представлена во всех языках, в том числе в русском и китайском. Она, безусловно, является выделенным объектом в представлениях человека о самом себе и обозначает орган зрительного восприятия, который, по общему мнению, многое говорит о внутреннем мире человека. «**Глаза – зеркало души**», рассказывающие о настроениях и физическом состоянии своего хозяина.

Итак, *глаза* осмысливаются в языковой картине мира как выразители неограниченного числа фактов и событий эмоциональной, интеллектуальной, физической, даже социальной природы.

2.

Из 11 поэтических сборников Марины Цветаевой и 3 сборников китайских поэтов Ай Цина и Чжу Цзыцина с привлечением методики сплошной выборки выделены 225 текстовых фрагментов реализации лексемы *ГЛАЗА*.

3.

Кроме того, сделаны русские подстрочные переводы 91 фрагментов китайских стихотворений.

4.

Определены 2 механизма, используемые в русском и китайском языках для развития художественных образов *ГЛАЗ*: а) механизм метафоры и б) механизм метонимии. Они обеспечивают богатую образность ключевого слова в китайской и русской поэтических картинах мира.

Установлено, что главными семантическими «полями», в пространстве которых развивается система образных коннотаций *ГЛАЗ* в русской и китайской поэзии, являются:

- стихии **огня** (и **льда** – у М. Цветаевой)
- стихии **света** (и **тьмы** – у М. Цветаевой)
- **небесная** стихия
- стихия **космоса** – луна (и солнце, звезды – у М. Цветаевой)
- стихии **воды** и **пустыни**
- **вещный мир**
- **человек**
- **событие** как часть жизни человека.

Таким образом, образы ключевого слова *ГЛАЗА* в русской и китайской поэтических картинах мира в границах исследованного материала в общем **идентичны** и обеспечены богатым набором языковых форм – существительных, глаголов и прилагательных.

Содержание этих языковых форм подтверждает одно из классических положений Н.Д. Арутюновой: «Внутренний мир человека моделируется по образцу внешнего, материального мира; основным источником психологической лексики является лексика “физическая”, используемая во вторичных, метафорических смыслах» [Арутюнова 1976].

Принципиально важно и то, что *ГЛАЗА* в обеих поэтических картинах мира оказались **манифестантами (выразителями)** широкого ряда событий и фактов эмоциональной природы, а кроме того – интеллектуальной, физической, даже социальной жизни человека.

ГЛАЗАМ приписываются самые разные содержательные характеристики и качества человека (*равнодушные / веющие / строгие / желающие глаза*). Иногда же *глаза* вообще становятся глобальным содержательным «концентратом-вместилищем» целой ситуации и положения дел (*в уголках глаз переполненная жадностью, Подлая разбойничья Европа!*).

5.

Разница национальных образов *ГЛАЗ* обнаруживается в отдельных, но существенных деталях и акцентах.

Так, например, у М. Цветаевой «вещные» коннотации сосредоточены в «поле огня» (*глаза – это факел / кострище / костер / жерло (вулкана) / черные пустоты*) а у Ай Цина и Чжу Цзыцина – в «поле воды» (*глаза – это колодец, водопад, волна, река*).

Соответственно, в китайской поэзии особо развитыми оказываются водные коннотации, а Цветаева делает акцент на огненных образах, которые к тому же контрастны – противопоставлены **тьме** и **льду**.

(Впрочем, классические для русской языковой картины мира ассоциации *ГЛАЗ* с *зеркалом* и *окном* типичны и для китайской языковой системы).

Определенная разница усматривается и в содержании выражаемых *ГЛАЗАМИ* эмоций и событий. В китайской поэтической картине мира они

имеют широчайший диапазон, могут передать практически все. Цветаева же связывает с «зеркалом души» чувства и события, скорее, уводящие в сторону эмоционального напряжения, часто отрицательно окрашенные.

Что касается семантической базы образности, расхождения зафиксированы и здесь.

Так, пропозиция сравнения оказывается универсальной для обеих поэтических систем, но на ее общем фоне делается акцент на пропозицию характеристики у Ай Цина и Чжу Цзыцина (*Глаза лживые, Глаза жадные, Глаза жалобные, Глаза великодушные. Глаза любви*) и на действие – у М. Цветаевой (*Напрасно глазом, как гвоздем, пронизываю чернозем...*).

Ролевая специфика *ГЛАЗ* также заметна: в цветаевских текстах они отмечены в активных ролях субъектного типа, а в китайских стихах они привычно представлены как объект или локатив.

Итак, очевидно, что сочетаемость слова *ГЛАЗА* не моделируется на основе целостного представления. Она возникает путем скрещивания и соединения не совместимых с точки зрения естественных законов мироздания образов: света, огня и тьмы, неба и космоса, воды и пустыни, зеркала и окна, инструмента и сосуда, наконец, самого человека.

6.

Что касается методического итога данного диссертационного исследования, он выражается в разработке специальных языковых упражнений. Они позволят использовать материалы диссертации на занятиях по дисциплинам в рамках магистерских языковых программ, в частности, в дисциплинах «Основы семантики».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агабекова К.Н. Концепт «душа» в индивидуально-авторской языковой картине Б. Окуджавы // Окуджава: Проблемы поэтики и текстологии. М., 2002. С. 112–127.
2. Алефиренко Н.Ф. «Живое» слово: Проблемы функциональной лексикологии: монография. М., Флинта: Наука, 2009. 344 с.
3. Алефиренко Н.Ф. Фразеологическое значение в свете когнитивной семиологии // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвометодический аспекты): междунар. науч.-практ. конф. 17–19 марта 2006 г. М.: Элпис, 2006. С. 8–12.
4. Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д. Метафора в семантическом представлении эмоций // Вопросы языкознания. 1993. № 3. С. 27–35.
5. Апресян Ю.Д., Богуславский И.М., Иомдин Л.Л., Санников В.З. Теоретические принципы русского синтаксиса: Взаимодействие грамматики и словаря / отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2010. 408 с.
6. Арутюнова Н.Д. Специфика несвободной сочетаемости имен чувств // Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М.: Наука, 1976. 384 с.
7. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
8. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностр. литературы, 1955. 416 с.
9. Барт Р. S/Z. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 232 с.
10. Бахтин М.М. Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке // Бахтин М. М. Антропологическая лингвистика: Избранные труды. М.: Лабиринт, 2010. Сер. «Антропологическая лингвистика». С. 7–143.

11. Богданов В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. 204 с.
12. Богданов В.В. Предложение и текст в содержательном аспекте / филол. фак-т СПбГУ. СПб., 2007. 280 с.
13. Борухов Б.Л. «Зеркальная» метафора в истории культуры // Логический анализ языка: Культурные концепты. М.: Наука, 1991. С. 109–117.
14. Вахтин Н.Б., Головкин Е.В. Социоллингвистика и социология языка: учеб. пособие. СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия»; Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2004. 336 с.
15. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1997. 416 с.
16. Виноградов В.В. Язык Пушкина: Пушкин и история русского литературного языка. М.-Л: Academia, 1935. 462 с.
17. Володина М.Н. Язык СМИ – особый язык социального взаимодействия // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования: учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. Ч. 2. С. 11–39.
18. Гайсина Р. М. Синтаксис современного русского языка: Теория. Схемы и образцы анализа. Упражнения: учеб. пособие: в 2 ч. / Башкир. гос. ун-т. Уфа, 2004. Ч. 1. 286 с.
19. Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянских культур, 2006. 672 с.
20. Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. – М., 2005. 544 с.
21. Золотова Г.А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М.: Наука, 1988. 440 с.
22. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
23. Киклевич А. Притяжение языка / Instytut Dziennikarstwa i Komunikacji Społecznej, Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego w Olsztynie. Olsztyn,

2007. Т. 1: Семантика. Лингвистика текста. Коммуникативная лингвистика. 412 с.
24. Ким И.Е. Личная сфера человека: структура и языковое воплощение: монография / Сибир. федерал. ун-т. Красноярск. 2009. 325 с.
25. Ким И.Е. Сопричастность и контроль в личной и социальной семантических сферах современного русского языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Красноярск. 2011. 41 с.
26. Князев Ю.П. Русская языковая картина мира: решения и проблемы // Человек, язык и текст: К юбилею Т. В. Шмелевой: сб. ст. / отв. ред. Т. Л. Каминская, А. Н. Сперанская. Великий Новгород, 2011. С. 263–276.
27. Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке. М.: КомКнига, 2006. 128 с.
28. Коньков В.И., Неупокоева О.В. Функциональные типы речи: учеб. пособие для студентов учреждений высш. проф. образования. М.: Издат. центр «Академия», 2011. 224 с.
29. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов: учеб. пособие. М.: КДУ. 2011. 350 с.
30. Кронгауз М.А. Семантика: учебник для студентов лингв. фак-в высш. учеб. заведений. М: Издат. центр «Академия», 2005. 352 с.
31. Крысин Л.П. Современный русский язык: Лексическая семантика. Лексикология. Фразеология. Лексикография: учеб. пособие. М.: Издат. центр «Академия», 2007. 240 с.
32. Кубрякова Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / отв. ред. Б. А. Серебренников. М.: Наука, 1988. С. 141–172.
33. Кубрякова Е.С., Цурикова Л.В. Вербальная деятельность СМИ как особый вид дискурсивной деятельности // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. Ч. 2. С. 126–159.

34. Левицкий Ю.А. Основы теории синтаксиса: учеб. пособие по спецкурсу. М.: Едиториал УРСС, 2002. 236 с.
35. Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3-х тт. Таллинн: Александра, 1992. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. 480 с.
36. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М.: Гнозис; Издат. группа «Прогресс», 1992. 272 с.
37. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общ. рук. Ю.Д. Апресяна. 2-е изд., испр. и доп. М; Вена: Языки славянской культуры, Венский славистический альманах, 2004. 1488 с.
38. Осетрова Е.В. Манифестация факта в русском высказывании, или Событие выражения / Сибирский федеральный университет. Красноярск, 2012. 275 с.
39. Падучева Е.В. Феномен Анны Вежбицкой // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1997. С. 5–32.
40. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / отв. ред. Б. А. Серебренников. М.: Наука, 1988. С. 8–86.
41. Проблемы функциональной грамматики: Категории морфологии и синтаксиса в высказывании / отв. ред. А. В. Бондарко, С. А. Шубик. СПб.: Наука, 2000. 346 с.
42. Проспект: русский идеографический словарь «Мир человека и человек в окружающем его мире» / РАН; Ин-т русского языка; под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 2004. 135 с.
43. Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета: учеб. пособие. М.: Флинта, 2010. 136 с.
44. Скобликова Е.С. Современный русский язык: Синтаксис простого предложения: учеб. пособие. М.: Флинта, 2006. 320 с.

45. Современный русский язык: учебник для филол. спец. высш. учеб. заведений / под ред. В. А. Белошапковой. М.: Азбуковник, 1997. С. 775–785.
46. Телия В.Н. Коннотативный аспект связанного значения // Телия В.Н. Типы языковых значений: Связанное значение слова в языке. М.: Наука, 1981. С. 223–259.
47. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 144 с.
48. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 173–204.
49. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М.: Прогресс, 1988. 656 с.
50. Тильман Ю.Д. Пространство в языковой картине мира Ф.И. Тютчева (концепт «круг») // Логический анализ языка: Семантика начала и конца. М.: Языки русской культуры, 2002. С. 491–499.
51. Туровский В.В. Память в наивной картине мира: забыть, вспомнить, помнить // Логический анализ языка: Культурные концепты. М.: Наука, 1991. С. 91–95.
52. Успенский В.А. О вещных коннотациях абстрактных существительных // Семиотика и информатика. М., 1979. Вып. 11. С. 142–148.
53. Уфимцева А.А. Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / отв. ред. Б. А. Серебренников. М.: Наука, 1988. С. 108–140.
54. Филлмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1981. Вып. 10: (Лингвистическая семантика). С. 369–495.
55. Филлмор Ч. Дело о падеже открывается вновь // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1981а. Вып. 10: (Лингвистическая семантика). С. 496–530.

56. Цивьян Т.В. Лингвистические основы балканской модели мира. М.: Наука, 1990. 207 с.
57. Чудинов А.П. Когнитивно-дискурсивное исследование метафоры в текстах СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. Ч. 2. С. 175–197.
58. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. М.: Флинта, 2006. 256 с.
59. Шкуропацкая М.Г. Аспекты семантики предложения: учеб. пособие по спецкурсу / Бийск. гос. пед. ун-т. – Бийск, 2008. – 186 с.
60. Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.
61. Шмелева Т.В. Семантический синтаксис: текст лекций / Краснояр. гос. ун-т. Красноярск, 1994. 46 с.
62. Эпштейн М.Н. Идеология и язык // Вопросы языкознания. 1991. № 6. С. 19–33.
63. Языковая картина мира и системная лексикография / отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2006. 912 с.
64. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира: (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994. 343 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Серебряный век русской поэзии. Москва: Просвещение, 1993.
2. Строфы века. Антология русской поэзии / Сост. Е. Евтушенко. Минск, Москва: Полифакт, 1995.
3. Советская поэзия: в 2 т. [Библиотека всемирной литературы. Серия третья]. М.: Художественная литература, 1977.
4. Три века русской поэзии / Сост. Николай Банников. М.: Просвещение, 1968.

5. Цветаева М. О любви. СПб.: Азбука, 2015.
6. Цветаева М. Просто – сердце... [Домашняя библиотека поэзии]. М.: Эксмо-Пресс, 1998.
7. Цветаева М. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Эллис Лак, 1994.
8. Цветаева М. Стихотворения. М.: Детская Литература, 1986.
9. Цветаева М. Стихотворения. Поэмы. [Библиотека русской поэзии]. СПб.: Роспекс, 1996.
10. Цветаева М. Стихотворения, поэмы, драматические произведения. М.: Художественная литература, 1990.
11. Цветаева М. Стихотворения и поэмы. Ленинград: Советский писатель, 1979.
12. 艾青, 艾青诗选。北京, 商务印书馆, 2015. [Ай Цин. Сборник стихов Ай Цина. Пекин: Коммерческое издательство, 2015].
13. 艾青, 时代: 艾青诗选。北京, 中国青年出版社, 2015. [Ай Цин. Эра: Антология поэзии Ай Цина. Пекин: Издательство китайской молодежи, 2015].
14. 朱自清, 现当代名家作品精选: 朱自清作品。武汉, 长江文艺出版社, 2012.
[Чжу Цзыцин. Избранные произведения современных корифеев литературы: произведения Чжу Цзыцина. Ухань: Литературное издательство Янцзы, 2012].

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение А. ПОЭТИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ Марины Цветаевой (иллюстративные фрагменты с включением лексемы *глаза*)

Мне синь небес и **глаз** любимых синь
Слепят **глаза**. – Поэт, не будь в обиде,
Что времени мне нету на латынь!
(Как жгучая, отточенная лесь...)

Голоса с их игрой сулящей,
Взгляды яростной черноты,
Опалённые и палящие
Роковые рты...
(Голоса с их игрой сулящей...)

Так мчались Вы в снежный вихрь,
Взор к взору и шубка к шубке.
(Подруга)

Все **глаза** под солнцем – жгучи,
День не равен дню.
Говорю тебе на случай,
Если изменю...
(Все глаза под солнцем – жгучи...)

Светло-коричневым кольцом
Слегка оттенены,
Владычествуют над лицом
Глаза, как две луны (Свободно шея поднята...)

Была бы бабою простой,
Всегда б платили за постой
Всё эти же – веселые –
Зеленые глаза.

(Глаза)

Я думаю о пальцах, очень длинных,
В волнистых волосах,
И обо всех – в аллеях и в гостиных –
Вас жаждущих глазах.

(Байрону)

Идешь, на меня похожий,
Глаза устремляя вниз.
Я их опускала – тоже!
Прохожий, остановись!

(Прохожий)

Шумны вечерние бульвары,
Последний луч зари угас.
Везде, везде всё пары, пары,
Дрожанье губ и дерзость глаз.

(В Париже)

Пусть пламенем пестрым кипит маскарад,
Пусть шутит с ним дед благосклонный,
Пусть кружатся пары, – на Сене парад,
Парад у Вендомской колонны!
Родному навстречу! Как пламя лицо,

В груди раскаленная лава.
И нежно сомкнула, вручая кольцо,
Глаза ему юная слава.
(Герцог Рейхштадтский)

Знать: дух – мой сподвижник и дух – мой вожатый!
Входить без доклада, как луч и как *взгляд*.
Жить так, как пишу: образцово и сжато –
Как бог повелел и друзья не велят.
(Я счастлива жить образцово и просто...)

В сердцах наших вечная рана,
В *глазах* молчаливый вопрос,
Земная пустыня бескрайна,
Высокое небо беззвёздно,
Подслушана нежная тайна,
И властен навеки мороз.
(На прощанье)

Успокоенье... Забыть бы... Уснуть бы...
Сладость опущенных *век*...
Сны открывают грядущего судьбы,
Вяжут навек.
(Связь через сны)

Над ними древность простирает длани,
Им светит рок сияньем вещей *глаз*,
Их каждый миг – мучительный экстаз.
(Невестам мудрецов)

В мои *глаза* несмело
Ты хочешь заглянуть.
За лугом солнце село...
Мой мальчик, добрый путь!
(Добрый путь)

Вас притягивали луны
Двух огромных *глаз*.
– Слишком розовой и юной
Я была для Вас!
(Мальчиком, бегущим резво...)

Только в *очи* мы взглянули – без остатка,
Только голос наш до вопля вознесен —
Как на горло нам – железная перчатка
Опускается – по имени – закон.
(Только в очи мы взглянули...)

Он тонок первой тонкостью ветвей.
Его *глаза* – прекрасно-бесполезны! –
Под крыльями раскинутых бровей –
Две бездны
(С.Э.)

Настанет день – печальный, говорят! –
Отцарствуют, отплачут, отгорят, –
Остужены чужими пятаками –
Мои *глаза*, подвижные, как пламя.
И – двойника нащупавший двойник –

Сквозь легкое лицо проступит – лик.

(Стихи о Москве)

Имя твое – ах, нельзя! –

Имя твое – поцелуй в *глаза*,

В нежную стужу недвижимых *век*,

Имя твое – поцелуй в снег.

(Стихи Блоку)

Помянёт потомство

Ещё не раз –

Византийское вероломство

Ваших ясных *глаз*.

(Царю – на Пасху)

Глаза над улыбкой шалой

Что ночь без звезд!

Горит на мундире впалом

Солдатский крест.

(И Кто-то, упав на карту...)

Дружить со мной нельзя, любить меня – не можно!

Прекрасные *глаза*, смотрите осторожно!

(Комедьянт)

Я Вас люблю всю жизнь и каждый час.

Но мне не надо Ваших губ и *глаз*.

Всё началось – и кончилось – без Вас.

(Я Вас люблю всю жизнь...)

Что если б знамя мне доверил полк,
И вдруг бы ты предстал перед *глазами* –
С другим в руке – окаменев как столб,
Моя рука бы выпустила знамя...
(Пригвождена)

Уста, не требующие смет,
Права, не следующие вслед,
Глаза, не ведающие век,
Исследующие: свет.
(Земные приметы)

Где сонмы ангелов летают стройно,
Где арфы, лилии и детский хор,
Где всё покой, я буду беспокойно
Ловить твой *взор*.
(В раю)

Мы обе – феи, но большие (странно!)
Двух диких девочек лишь видят в нас.
Что ясно нам – для них совсем туманно:
Как и на всё – на фею нужен *глаз*!
(Наши царства)

Приложение Б. ПОЭТИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ Ай Цина и Чжу Цзыцина
(подстрочные переводы фрагментов с включением лексемы *глаза*)

Ай Цин

<p>1 因为你 在我的<u>眼里</u>， 真是一节流传在蒙马特的故事， 那冗长的， 感人的， 由玛格丽特震颤的褪了脂粉的唇边 吐出的堇色的故事。</p>	<p>1 Поскольку ты В глазах моих, Действительно являешься частью истории, которая распространилась по Монмартру, Эта многословная, Искушающая, От дрожащего рта Маргариты с полинялой косметикой, Рассказанная бледно-фиолетовая история.</p>
<p>2 那在<u>眼角</u>里充溢着贪婪， 卑污的盗贼的欧罗巴！ 但是， 我耽爱着你的欧罗巴啊， 波特莱尔和兰布的欧罗巴。</p>	<p>2 Эта в уголках глаз переполненная жадностью, Подлая разбойничья Европа! Но, Я сильно люблю тебя, эй, Европа, Европа Бодлера и Ланбуа</p>
<p>3 ——他看到犹太的<u>眼</u>在暗处 向他<u>固执的</u>窥视着——</p>	<p>3 Когда он обратил внимание, глаза Иуды из тени Пристально глядели на него</p>
<p>4 当我还不曾起身 <u>两眼</u>闭着 听见了鸟鸣 听见了车声的隆隆 听见了汽笛的嘶叫 我知道 你又叩开白日的门扉了.....</p>	<p>4 Пока я ещё не встал, Глаза были закрыты, Слышал щебет птиц, Слышал – машина гремела, Слышал – сирена ревела, Я знаю, Ты [рассвет] днём опять стучал в двери.</p>

<p>5 我像久已为饥渴哭泣得疲乏了的婴孩， 看见母亲为他解开裹住乳房的衣襟 <u>泪眼</u>迸出微笑， 心儿感激着</p>	<p>5 Я как усталый ребенок, который долго плакал от голода, Увидел маму расстегнувшую для него платье, которое скрывало грудь, Улыбка брызжет из заплаканных глаз, Сердце благодарит.</p>
<p>6 他笑着 <u>两</u>眼前望且闪光 像在寻找 那给他倒地的一击的敌人</p>	<p>6 Он смеётся, Глаза глядят вперёд и сверкают, Как будто [он] ищет Того врага, который нанёс ему удар, из-за чего он свалился набок.</p>
<p>7 ——那有悲哀的<u>眼</u> 和疲乏的耳朵的畜生， 载负了土地的 痛苦的重压， 它们厌倦的脚步 徐缓地踏过 北国的 修长而又寂寞的道路……</p>	<p>7 То скот, со скорбными глазами И усталыми ушами Нагружен Горьким тяжёлым гнётом земли, Их уставшие ноги Медленно ступают По северной стране Длинной и тихой дорогой…</p>
<p>8 为什么我的<u>眼</u>里常含泪水？ 因为我对这土地爱得深沉……</p>	<p>8 Почему мои глаза полны слез? Потому что эта земля мне так дорога.</p>
<p>9 他睁开了<u>眼睛</u>， 在通宵不熄的微弱的灯光里</p>	<p>9 Он открыл глаза [и увидел] Не потухавший целую ночь слабый свет</p>

<p>10</p> <p>他看见了那挂在身边的号角， 他困惑地凝视着它 好像那些刚从睡眠中醒来 第一眼就看见自己心爱的恋人的人 一样欢喜</p>	<p>10</p> <p>Он увидел этот рог рядом собой, Он удивленно уставился на него, Как и те люди, которые только что проснулись ото сна, С первого взгляда увидели своего любимого человека – Радость у них одна.</p>
<p>11</p> <p>每个都以疑惧的深黑的眼 和连续不止的呻吟 迎送着无数的日子</p>	<p>11</p> <p>Каждый испуганными чёрными глазами И непрерывными стонами Встречает и провожает бесчисленные дни</p>
<p>12</p> <p>那此刻是蒙上喜悦的泪水的眼睛 永远关闭了之前的一瞬间 他不能想起什么</p>	<p>12</p> <p>Сейчас покроются радостными слезами глаза 10 Он увидел этот рог рядом собой, Он удивленно уставился на него, Как и те люди, которые только что проснулись ото сна, С первого взгляда увидели своего любимого человека – Радость у них одна. Перед тем как навечно закрыть их, Он не может вспомнить ничего</p>
<p>13</p> <p>通知眼睛被渴望所灼痛的人类 和远方的沉浸在苦难里的城市和村庄</p>	<p>13</p> <p>Рассказывайте всем людям, у которых глаза опалены жаждой [надежды] И далекому городу и селу, погружённым в невзгоды.</p>
<p>14</p> <p>请他们用虔诚的眼睛凝视天边 我将给所有期待我的以最慈惠的光辉</p>	<p>14</p> <p>Попроси их почтительными и искренними глазами глядеть на край неба. Я [рассвет] дам всем, кто ожидает меня, свет любви и добра.</p>

<p>15 这是一个妇人 她的脑盖已被弹片打开 让她闭着<u>眼</u>好好的睡 让她过一阵能慢慢的醒来</p>	<p>15 Вот замужняя женщина, Её череп вскрыт осколком снаряда. Нужно закрыть ей глаза, как будто она заснула, Как будто через несколько минут она может медленно проснуться.</p>
<p>16 我的肺腑呼吸着新鲜 我的<u>眼瞳</u>为远景而扩大 我的脚因欢怵而跛行在世界上</p>	<p>16 Мои лёгкие вдыхают свежесть, Мои глаза расширяются глядя в даль, Мои ноги от радости хромают по земле.</p>
<p>17 假如不是它的耳朵在翻动 和它的<u>眼睛</u>在闪瞬， 你会以为它是一个 为纪念英雄而铸造的马像。</p>	<p>17 Если бы её уши не двигались, А её глаза не мигали, Ты бы думал, что она — Статуя лошади в память какого-то героя.</p>
<p>18 我瞥见我的马 站在村里的大树下， 直竖着两只耳朵， <u>眼睛</u>发出奇异的光辉， 尾巴焦躁地摆动着。</p>	<p>18 Я вижу мою лошадь, [Она] стоит под деревом в деревне, Стоят вертикально её уши, Глаза сияют чудесным светом, Хвост нетерпеливо покачивается.</p>
<p>19 忧愁从人们脸上消失 含笑的<u>眼睛</u> 看着被阳光照射的田野</p>	<p>19 Грусть исчезала с лиц людей, Улыбаются их глаза, Смотрят на поле, освещенное солнцем.</p>

<p>20 四面八方来的人们—— 从无数乡村来， 从各个根据地来， 从各个解放区来， 带着愉快的呼吸， 带着新奇和感激， 从这条街走到那条街， 两眼看着新的景物。</p>	<p>20 Люди со всех сторон – Из бесчисленных деревень, Из разных подразделений, Из разных освобождённых районов, С веселым дыханием, С удивлением и благодарностью, Ходят с одной улицы на другую улицу, Их глаза смотрят на новые пейзажи.</p>
<p>21 天在下着雨， 街上是灰白的水光， 维也纳，坐在古旧的圈椅里， 两眼呆钝地凝视着窗户， 一秒钟，一秒钟地 在捱受着阴冷的时间……</p>	<p>21 Дождь идёт, На улицах светло-серый блеск воды, Виенна сидит в старом кресле, Глаза неподвижно уставились в окно, Секунда за секундой Тянется прохладное время…</p>
<p>22 维也纳，让我祝福你： 愿明天是一个晴天， 阳光能射进你的窗户， 用温柔的手指抚触你的眼帘……</p>	<p>22 Виенна, позволь мне пожелать тебе: Желаю [тебе] завтра солнечного дня, Когда солнце заронит луч в твое окно, Нежными пальцами будет гладить твои веки…</p>
<p>23 他仰起小小的头， 那双发亮的眼睛， 透过浓密的树叶， 在寻找知了的声音……</p>	<p>23 Он поднял свою головку, Пара ярких глаз, [Они] прошли через плотные листья, [Они] ищут голос цикад…</p>
<p>24 每个人的一生 不论聪明还是愚蠢 不论幸福还是不幸 只要他一离开母体 就睁着眼睛追求光明</p>	<p>24 Жизнь каждого человека Умного или глупого, Счастливого или несчастного, Только покинув чрево матери, Только открыв глаза, сразу устремляется к свету.</p>

<p>25 世界要是没有光 等于人没有<u>眼睛</u></p>	<p>25 Если бы мир был без света, Он был бы как человек без глаз.</p>
<p>26 那些最出色的画家 描出了色授神与的<u>眼睛</u></p>	<p>26 Самые лучшие художники Рисуют беззвучное общение глаз.</p>
<p>27 但是有人害怕光 有人对光满怀仇恨 因为光所发出的针芒 刺痛了他们自私的<u>眼睛</u></p>	<p>27 ...Есть люди, боящиеся света, Есть люди ненавидящие свет, Потому что лучи света Жгут их корыстные глаза.</p>
<p>28 那最先去盗取火的人 是最早出现的英雄 他不怕守火的鸷鹰 要啄掉他的<u>眼睛</u></p>	<p>28 Тот первый человек, похитивший огонь, Изначально является героем. Он не боится орла, охраняющего огонь, Клюющего его глаза.</p>
<p>29 然而，比一切都更宝贵的 是我们自己的锐利的<u>目光</u> 是我们先哲的智慧之光 这种光洞察一切、预见一切 可以透过肉体的躯壳 看见人的灵魂</p>	<p>29 Но, самым ценным Является наш острый взгляд, Является светлый ум наших древних мудрецов. Этот свет [ума] рассмотрит все, предвидит всякое, Сможет сквозь брненное тело Увидеть человеческую душу.</p>
<p>30 铐上手铐——不让写 钉上脚镣——不让走 割断喉管——不让喊 但是，我还有思想—— 通过<u>目光</u>射出愤怒得箭</p>	<p>30 Заковали в наручники – нельзя писать Заковали в кандалы – нельзя ходить Перерезали горло – нельзя кричать Но, у меня есть ещё разум – Взглядом запускаю гневную стрелу.</p>

<p>31 我向你们<u>看一眼</u> 你们就浑身打颤</p> <p>32 我向你们<u>看两眼</u> 就连心肺都扎穿</p>	<p>31 Я брошу в вас взгляд, Вы вздрогнете всем телом.</p> <p>32 Я дважды брошу в вас взгляд, И проколю ваши сердце и грудь.</p>
<p>33—42在下面</p>	<p>(33—42 см. на стр. 91)</p>
<p>43 画家和诗人 有共同的<u>眼睛</u> 通过灵魂的窗子 向世界寻求意境</p>	<p>43 У художника и поэта Одинаковые глаза, Через окна своей души Они ищут свои идеи в мире.</p>
<p>44 具有<u>慧眼</u>的猫头鹰 抖动翅膀的鱼鹰</p>	<p>44 Сова с умными глазами Морская ласточка с трепещущими крылышками.</p>
<p>45 在彻响声里 太阳张开了<u>炬光的眼</u> 在彻响声里 风伸出温柔的臂， 在彻响声里 城市醒来 .....</p>	<p>45 В шуме [города] Солнце открыло глаза, которые как Свет факела. В шуме [города] Ветер вытянул нежную руку. В шуме Город проснулся.</p>
<p>46 Orange—— 像拉丁女的<u>眼瞳子</u>般无底的 热带的海的蓝色</p>	<p>46 Orange [апельсин] — Как зрачок латинской женщины, бездонный, Синий цвета тропического моря.</p>
<p>47 幽默的<u>蓝眼</u> 在揣想我幽默的心怀</p>	<p>47 Смеющиеся голубые глаза Отражают мою юмористическую душу</p>

<p>48 你金黄的鬋鬋长发 在我的眼前 展开了一个 幻想的多波涛的海 .....</p>	<p>48 Твои золотые кудрявые волосы Рядом с моими глазами, Открывают Фантастическое волнующееся море.</p>
<p>49 我以迟缓的眼波 聆听你微颤的金声 给我传述： 神和人的故事 太阳的故事</p>	<p>49 Я медленными глазами Выслушаю твой лёгкий дрожащий голос. [Он] передает мне: Историю бога и человека, Историю солнца.</p>
<p>50 在北方 乞丐用固执的眼 凝视着你 看你在吃任何食物</p>	<p>50 На севере Нищий с упрямыми глазами Уставился на тебя, Смотрит как ты ешь.</p>
<p>51 一只白色眼圈的小鸟 站在低矮的房子的黑瓦上 像在想着什么似的 看着彩云满布的高空</p>	<p>51 Птичка с белой окаемкой вокруг глаз Стоит на чёрной черепице низкого дома. Как будто о чём-то думает, Смотрит на высокое небо в разноцветных облаках.</p>
<p>52 一滴水常使我用惊叹的眼凝视半天 我的前面突然会涌现浩淼的大江</p>	<p>52 Капля воды часто заставляет меня удивленными глазами долго смотреть на неё. Перед моим лицом вдруг появляется бескрайняя река.</p>
<p>53 我不满足那世界曾经给过我的 ——无论是荣誉，无论是耻辱 也无论是阴沉沉的注视和黑夜似的仇恨 以及人们的目光因它而闪耀的幸福</p>	<p>53 Я недоволен тем, что этот мир дал мне И честь, и бесчестие, И сумрачное пристальное наблюдение, и ненависть как тёмную ночь, И счастливые взгляды людей.</p>

<p>54 你的鼻子像百合 你的嘴唇像花瓣 请摘下绸制的假面 让我看看你的<u>眼睛</u></p>	<p>54 Твой нос как лилия, Твои губы как лепестки. Пожалуйста, сними свою шёлковую маску, Позволь мне увидеть твои глаза.</p>
<p>55 <u>眼睛</u>是灵魂的窗子 从它们看见你的心</p>	<p>55 Глаза – окно души В них можно увидеть твоё сердце</p>
<p>56 你的<u>眼睛</u>是纯朴的 你有一颗纯朴的心</p>	<p>56 Твои глаза искренни и просты, А значит, у тебя искреннее и простое сердце.</p>

<p>你说<u>眼睛</u>是灵魂的 窗子 我说<u>眼睛</u>是灵魂的 镜子</p>	<p>Ты говоришь, что глаза – это окно души. Я говорю, что глаза – это зеркало души.</p>	<p>灵魂的窗子 秘密的锁孔 从它那儿 可以窥探内心</p>	<p>Окно души, Замочная скважина тайны, В которую Можно увидеть сердце.</p>
<p>你说世界上最美的 是<u>眼睛</u> 我说最可怕的也是 <u>眼睛</u></p>	<p>Ты говоришь, что во вселенной самое красивое – это глаза. Я говорю, что самое страшное – это тоже глаза.</p>	<p>说谎的<u>眼睛</u> 渴望的<u>眼睛</u> 哀求的<u>眼睛</u> 宽恕的<u>眼睛</u> 爱情的<u>眼睛</u> 梦似的飘忽不定 有时诉说表情 有时夹着怨恨</p>	<p>Глаза лживые, Глаза жадные, Глаза жалобные, Глаза великодушные, Глаза любви. Как сон, размытые, Иногда рассказывают о горячей любви, Иногда смешаны с ненавистью.</p>
<p>有那么一<u>双眼睛</u> 在没有灯光的夜晚 你和她挨得那么近 突然向你闪光 又突然熄灭了 你一直都记着那一 瞬</p>	<p>Были такие глаза В ночи без света. Ты с ней был так близок. Вдруг [она] сверкнула на тебя [глазами] И вдруг [они] потухли. И с тех пор ты навсегда запомнил тот момент.</p>	<p>欣喜若狂 无限悲伤 都通过<u>眼睛</u> 仇恨在胸中燃烧 <u>眼睛</u>里冒出火星</p>	<p>Экстаз, Бесконечная печаль – Всё в глазах. Ненависть горит в груди – Из глаз сыплются искры.</p>
<p>有那么一<u>双眼睛</u> 深得像一口古井 四周有水草丛生 你只向井里看了二 <u>眼</u> 经过多少年 你还记得那古井</p>	<p>Были такие глаза, Так глубоки, как колодец. В нём водоросли густо росли. Ты лишь бросил взгляд в колодец. Через столько лет Ты всё помнишь тот колодец.</p>	<p>面对茫茫大海 热切的期待归帆</p> <p>忍受着熬煎的 是望穿秋水的<u>眼</u> <u>睛</u> 最宁静的时刻 一片落叶 睫毛—— 窗帘的震动 一次心跳 你从绝望中 滴下泪水 洗涤你的心 沉浸于安静</p>	<p>Лицо [обращено] к безбрежному океану, Жадно ожидая возвращающийся парусник.</p> <p>То, что терпит пытки, Это и есть ожидающие глаза.</p>
<p>有那么一<u>双眼睛</u> 又大又澄碧 蓝天一样纯洁 月光一样宁静 你没有勇气看它 因为你不敢承担 它对你的信任</p>	<p>Были такие глаза, Большие и голубые, Чистые как синее небо, Спокойные как лунный свет. Ты не смеешь смотреть в них, Потому что ты боишься Доверия, которое есть в них к тебе.</p>	<p>生命的黄昏来临 然后你把窗户闭 紧</p> <p>1979年9月4日 早晨</p>	<p>Момент спокойствия – Падающий лист. Ресницы – волнение шторы, Биение сердца.</p> <p>Ты в отчаянии, Капают слёзы, Омоют твоё сердце, [ты] Погружаешься в тишину.</p> <p>Сумерки жизни наступают, Затем ты закроешь окно.</p> <p>04.09.1979 утром</p>

Чжу Цзыцин

<p>1 你的手像火把， 你的眼像波涛， 你的言语如石头， 怎能使我忘记呢？</p>	<p>1 Твои кисти как факелы, Твои глаза как волны, Твои слова как камни, Как могу я [это] забыть?</p>
<p>2 去年一个夏天大早我见着你： 你何其憔悴呢？ 你的眼还涩着， 你的发太长了！ 但你的血的热加倍的薰灼着！</p>	<p>2 В прошлом году, летом, ранним утром, я увидел тебя: [Почему] Ты такой измождённый? Твои глаза иссохшие, Твои волосы слишком отросшие! Но твой накал удвоенный сжигает кровь!</p>
<p>3 他们怎样微弱！ 但却是我们唯一的慧眼！ 他们帮着我们了解自然； 让我们看出前途坦坦。 他们是好朋友， 给我们希望和慰安。 祝福你灯光们， 愿你们永久而无限！</p>	<p>3 Они [уличные фонари] какие слабые! Но являются нашими особыми, умными, глазами! Они помогают нам узнавать окружающий мир; Помогают нам увидеть, что дорога, лежащая перед нами, ровна. Они наши друзья, [Они] Дают нам надежду и спокойствие. Желаю тебе [уличный фонарь] счастья, Желаю вам вечности и безграничности!</p>
<p>4 那泱泱的黑暗中闪耀着的 一颗黄黄的灯光呵， 我将由你的闪耀里， 凝视她明媚的双眼。</p>	<p>4 В той безбрежной темноте сверкает Одинокий жёлтый свет лампы, Я буду через твой свет, Задерживать взгляд на её прекрасных глазах.</p>

<p>5 <u>眼底</u>是靡人间了， 耳根是靡人间了； 故乡的她，独灵迹似的， 猛猛然涌上我的心头来了！</p>	<p>5 [В] глубине глаз нет ничего мирского, [В] основании уха нет ничего мирского; Та, которая на родине, как сама божественная сила, Внезапно в сердце моё прокралась!</p>
<p>6 “睡吧，小小的人” 你满头的金发蓬蓬地覆着， 你碧绿的<u>双瞳</u>微微地露着， 你呼吸着生命的呼吸。</p>	<p>6 “Спи, малыш”. Твои золотые волосы пышно покрывают голову, Твои зелёные зрачки спокойно открываются, Ты дышишь дыханием жизни.</p>
<p>7 狼们悄悄从山上下来， 羊儿梦中惊醒： 瑟瑟地浑身乱颤； 腿软了， 不能立起，只得跪着了； <u>眼</u>里含着满眶亮晶晶的泪； 口中不住地咩咩哀鸣。</p>	<p>7 Волки потихоньку спускаются с гор, Ягнёнок просыпается от страха: Дрожит всем телом; Ноги становятся ватными, Не может стоять, только стоит на коленях; Глаза застилают яркие слезы; Изо рта неумолчно исходят вопли.</p>
<p>8 睡了的小草， 如今苏醒了！ 立在太阳里， 欠伸着，揉她们的<u>眼睛</u>。</p>	<p>8 Спавшее мелкотравье, Теперь пробудилось! Стоит под солнцем, Потягивается и зевает, трёт глаза.</p>
<p>9 那活活像小河般流着的<u>双眼</u>， 含蓄过多少意思，蕴藏过多少话句的， 也干涸了， 干到像烈日下的沙漠。</p>	<p>9 Те, живые, как река – текущие глаза, Имели столько скрытых смыслов, хранили столько слов, Сейчас те же [глаза] высохли, Сухие, как под палящим солнцем пустыня.</p>

<p>10 况花一般的笑是不见一痕儿， 珠子一般的歌喉是不透一丝儿！ <u>眼前</u>是光光的了， 总只有光光的了。</p>	<p>10 Улыбка, как цветок, который [никто] не видит, Голос, который как жемчуг, ни звука не издал! Перед глазами только пустота, Всегда только пустота.</p>
<p>11 虽有巧妙的玄言， 像天花的纷坠； 在我<u>双眼</u>的前头， 展示渺渺如轻纱的憧憬——</p>	<p>11 Чудесные догматы [учения], Как небесные цветы, кружатся везде; А перед моими глазами, Показалось крошечное, как легкая пряжа, мечтание.</p>
<p>12 虽有饿着的肚子， 拘挛着手， 乱蓬蓬秋草般长着的头发， 凹进的<u>双眼</u>， 和软软脚， 尤其灵弱的心； 都引着我下去， 直向底里去， 教我抽烟， 教我喝酒， 教我看女人。</p>	<p>12 <Хотя> есть голодный желудок, Деревенеющие руки, Всклоченные волосы, Запавшие глаза, И слабые стопы, Особенно хрупкое сердце; Всё меня тянет вниз, Прямо на дно, Учи меня курить, Учи меня пить, Учи меня смотреть на женщин <...></p>
<p>13 在我为两肩上的人生的担子 压到不能喘气， 又<u>眼见</u>我的收获 渺渺如远处的云烟的时候；</p>	<p>13 Бремя моей жизни на плечах Давит меня, и не могу перевести дух, И вижу глазами мои достижения, Такие неясные, как далёкие облака и дым.</p>

<p>14 从此我不再<u>仰眼</u>看青天， 不再低头<u>看</u>白水， 只谨慎着我双双的脚步； 我要一步步踏在泥土上， 打上深深的脚印！</p>	<p>14 С этого момента не вскину глаза на синее небо, Не опущу голову посмотреть на белую воду, Только осторожно, попарными шагами, Я буду идти по земле шаг за шагом, Оставляя глубокие следы!</p>
<p>15 “郭郭郭”，一迭春画儿闪过我的<u>眼前</u>： ：</p>	<p>15 “Го-го-го”，– череда новогодних картинок пробегает перед моими глазами：</p>
<p>16 卖者<u>眼里</u>的声音，“要吧！” “快开头了，贱卖啦， 梨子，一角钱八个，哪个要哩？”</p>	<p>16 Голос в глазах продавца: ”Купи!” “Скоро буду открывать торговлю, дёшево продаю, Груша, один цзяо [1 рубль] за восемь штук, кто хочет?”</p>
<p>17 灰与汗涂着张张黄面孔， 炯炯的有饥饿的<u>眼光</u>； 笑的两颊， 叫的口， 检点的手， 更都有着异样的展开的曲线， 显出努力的痕迹；</p>	<p>17 Пыль и пот покрывают слоями лицо, Вдохновенный и голодный взгляд; Смеющиеся щеки, Говорящий рот, Сдержанные руки, Всё это имеет форму странной раскрывающейся кривой, Показывает след старания;</p>

<p>18 就像饿了的野兽们本能地想攫着些鲜血和肉一般， 他们也被什么驱迫着似的， 想攫着些暗淡的铜板，白亮的角子！ 在他们<u>眼里</u>， 舱里拥挤着的堆迭着的， 正是些铜元和角子！ 只饰着人形罢了， 只饰着人形罢了。</p>	<p>18 Как голодные звери, инстинктивно мечтающие получить кровь и мясо, Они тоже, как будто вынуждаемые чем-то, Думают завладеть тёмными медяками и яркими серебряными монетами! В их глазах, Те – в каюте, теснящиеся, нагроможденные, – И есть медяки и монеты! Только украшенные человеческим обликом – и всё! Только украшенные человеческим обликом – и всё!</p>
<p>19 可是——真有点奇呵， 那温厚的容颜， 骤然涌现于我朦胧的<u>双眼</u>！</p>	<p>19 Но – действительно, странно, То доброе лицо, Вдруг появляется перед моими затуманенными глазами!</p>
<p>20 血的<u>眼</u>！ 血的<u>眼</u>！ 团团火， 射着他你我！</p>	<p>20 Глаза красные от крови! Глаза красные от крови! Огненные пули, Летят в него, в тебя, в меня!</p>
<p>21 夜被唤回时， 美梦从<u>眼边</u>飞去。</p>	<p>21 Когда взывают к ночи, Хороший сон летает перед глазами.</p>
<p>22 于是那漫漫的前路。 想裹足吗？徒然！ 且一步步去挨着啾—— 直到你<u>眼</u>不必睁，不能睁的时候</p>	<p>22 И когда такая долгая дорога... Хочешь остановиться? Напрасно! Нужно шаг за шагом идти – До тех пор, пока тебе не нужно будет открывать глаза, [до тех пор,] пока их уже нельзя будет открыть.</p>
<p>23 我们<u>眼睁睁</u>望着；</p>	<p>23 Мы глазами смотрели;</p>

24 他们也 眼巴巴 瞧着。	24 Они тоже проглядели глаза .
25 近，近，近，—— 眼前 ！ 远，远，远，—— 天边 ！	25 Близко, близко, близко, – перед глазами ! [тени цветов] Далеко, далеко, далеко, – на краю неба! [тени цветов]
26 清泪从伊干瘪的 眼眶 里， 像瀑布般流泻； 那便是一条条的川流了。	26 Слёзы из ваших сморщенных глаз , Вытекают как водопад; Это и есть потоки [воды].
27 那时我们底花 便将如锦绣一般， 便将如锦绣一般， 开在我们的 眼前 了！	27 Тогда наши цветы Будут как прекрасные шелка, Будут как прекрасные шелка, Распускаться перед нашими глазами !
28 转眼 的韶华， 霎的又到了黄梅时节。	28 Промелькнула как движение глаз прекрасная пора, Через мгновение опять пришёл сезон созревания слив.
29 他 飞眼 四面看了， 一声不响饮了。	29 Он бросал любовные взоры , во все стороны смотрел, Без единого звука пил.
30 东西南北那 眼光 ， 惊惊诧诧地（目炎）他。	30 Те взгляды с четырёх сторон, Изумлённо взглянули на него.

<p>31 等呵！只等那灰絮絮的云帷， ——唉，黑茸茸的夜幕也好—— 遮了太阳的<u>眼睛</u>时， 他才敢躲在树荫里苦笑， 他才敢躲在人背后享乐。</p>	<p>31 Ждёт! Ждёт только то серое облако, – Да, чёрный покров ночи тоже неплохо – Пока закрыло глаза солнце, Он имеет смелость скрыться в тень деревьев с горьким смехом, Он имеет смелость скрыться за спиной человека, блаженствуя.</p>
<p>32 他有黑而干燥的面庞， 灰色凝滞的<u>眼光</u>， 各那天然的粗涩的声调。 从这些里， 我接触着他纯白的真心。</p>	<p>32 У него чёрное и сухое лицо, Серый застывший взгляд, И тот натуральный шершавый тон голоса. Через это, Я притрагиваюсь к чистому искреннему сердцу его.</p>
<p>33 在我车子过时， 一闪地都收入我<u>眼底</u>。</p>	<p>33 Когда моя машина проехала [мимо неё], Сразу всё опустилось на дно глаз моих.</p>
<p>34 那时她用融融的<u>眼波</u> 随意地看我； 我回过头时， 她还在看我：—— 真的，她再三看我。</p>	<p>34 В тот момент она мягким взглядом Рассеянно смотрела на меня; Когда я повернул голову, Она ещё смотрела на меня: – Действительно, она неоднократно посмотрела на меня.</p>
<p>35 从她<u>双眼里</u>， 我接触着她烂漫的真心。 但是，我们并不曾相识。</p>	<p>35 Через её глаза, Я притрагиваюсь к светлому искреннему сердцу её. Но, мы никогда не были знакомы.</p>